

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

**ДОКЛАД
КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

**о работе ее третьей сессии
с 16 мая по 27 июля 1951 года**

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ: ШЕСТАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ № 9 (A/1858)**

НЬЮ-ЙОРК • 1951 ГОД

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ДОКЛАД
КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

о работе ее третьей сессии
с 16 мая по 27 июля 1951 года

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ: ШЕСТАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ № 9 (A/1858)

НЬЮ-ЙОРК • 1951 ГОД

П Р И М Е Ч А Н И Е

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1
II. Оговорки к многосторонним конвенциям	3
III. Вопрос об определении агрессии	10
IV. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества	13
V. Пересмотр Положения о Комиссии международ- ного права	17
VI. Международные договоры	19
VII. Режим открытого моря	20
VIII. Другие постановления Комиссии	21

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект статей о подводных материковых выступах и статей относящихся к смежным вопросам	22
---	----

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ

1. Третья сессия Комиссии международного права, учрежденной во исполнение резолюции 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 г. и в соответствии с приложенным к этой резолюции Положением о названной Комиссии, происходила в Женеве (Швейцария) с 16 мая по 27 июля 1951 года.

2. В состав Комиссии входят, в качестве ее членов, следующие лица:

<i>Фамилия</i>	<i>Страна</i>
Рикардо Х. Альфаро	Панама
Гильберто Амадо	Бразилия
Джеймс Лесли Брайерли	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
Роберто Кордова	Мексика
Ж. П. А. Франсуа	Нидерланды
Сюй Шу-си	Китай
Мейнли О. Гудсон	Соединенные Штаты Америки
Фарис-бей эль-Хури	Сирия
Владимир Михайлович Корецкий	Союз Советских Социалистических Республик
Сэр Бенегаль Нарсинг Рау	Индия
А. Е. Ф. Сандстрем	Швеция
Жорж Сель	Франция
Жан Спиropулос	Греция
Х. М. Йепес	Колумбия
Ярослав Зурека	Чехословакия

3. Все члены Комиссии, за исключением Владимира Михайловича Корецкого, Ярослава Зурека и сэра Бенегала Нарсинга Рау, не имевших возможности посещать заседания, присутствовали на третьей сессии. Фарис-бей эль-Хури посещал заседания Комиссии, начиная с 30 мая, а Мейнли О. Гудсон — с 31 мая 1951 года.

4. Комиссия избрала следующих должностных лиц на годичный срок:

Председатель: Джеймс Лесли Брайерли;

Первый заместитель председателя: Сюй Шу-си;

Второй заместитель председателя: Х. М. Йепес;

Докладчик: Роберто Кордова.

5. Помощник генерального секретаря по Правовому департаменту Иван С. Крно выступал в качестве представителя Генерального Секретаря. Директор Отдела развития и кодификации международного права Лян Юе-ли действовал в качестве секретаря Комиссии.

ПОВЕСТКА ДНЯ

6. Комиссия утвердила повестку дня третьей сессии, включавшую следующие вопросы:

1. Резолюция 484 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: нерешенный Комиссией международный вопрос Положения об этой Комиссии для представления Генеральной Ассамблее рекомендаций о внесении изменений в указанное Положение.

2. Составление проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества:

а) доклад г-на Спиropулоса;

б) резолюция 488 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: формулировка нюрнбергских принципов.

3. Резолюция 378 В (V) Генеральной Ассамблеи от 17 ноября 1950 г.: обязанности государств в случае открытия военных действий.

4. Международные договоры:

а) доклад г-на Брайерли;

б) резолюция 478 (V) Генеральной Ассамблеи от 16 ноября 1950 г.: оговорки к многосторонним конвенциям.

5. Арбитражное производство: доклад г-на Селя.

6. Режим открытого моря: доклад г-на Франсуа.

7. Время и место четвертой сессии.

8. Резолюция 319 В III (XI) Экономического и Социального Совета от 11 августа 1950 г., которой Комиссии международного права поручено разработать соответствующий проект международной конвенции или конвенций для ликвидации бесподданства.

9. Сотрудничество с другими органами.

10. Резолюция 494 (V) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1950 г.: разработка Двадцатилетней программы достижения мира через Организацию Объединенных Наций.

11. Другие резолюции Генеральной Ассамблеи, относящиеся к докладу Комиссии международного права о работе ее второй сессии:

а) резолюция 485 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: изменение статьи 13 Положения о Комиссии международного права;

б) резолюция 486 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: продление срока полномочий перерешенных членов Комиссии международного права;

с) резолюция 487 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: способы и средства, при помощи которых материалы, свидетельствующие о существовании обычного международного права, стали бы более доступными;

d) резолюция 489 (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г.: международная уголовная юстиция.

7. На своей третьей сессии, состоявшей из пятидесяти трех заседаний, Комиссия рассмотрела все пункты приведенной выше повестки дня, за исключением вопроса об арбитражном производстве (пункт 5). По этому вопросу Комиссия имела в своем распоряжении «Второй доклад об арбитражном производстве» (A/CN.4/46), представленный г-ном Селем, специальным докладчиком, который включил в этот доклад «Второй предварительный проект постановлений об арбитражном производстве». Рассмотрение этого доклада было отложено до следующей сессии.

Вопросы, подлежащие рассмотрению Генеральной Ассамблеей

8. Комиссия закончила изучение следующих вопросов:

1) оговорки к многосторонним конвенциям (пункт 4b),

2) вопрос об определении агрессии (пункт 3) и

3) составление проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (пункт 2).

Доклады Комиссии по этим трем вопросам содержатся в частях II, III и IV настоящего документа, по принадлежности, и представляются Генеральной Ассамблее на рассмотрение.

9. Что касается пункта 1 повестки дня — пересмотра Положения о Комиссии международного права, то Комиссия закончила только первую часть своей работы над этим вопросом. Доклад Комиссии по этому пункту, который содержится в главе V настоящего документа, представляется Генеральной Ассамблее на рассмотрение. Комиссия продолжит пересмотр указанного Положения на своей следующей сессии в зависимости от решения, которое будет принято Генеральной Ассамблеей по рекомендации Комиссии, содержащейся в упомянутой главе.

Вопросы, сообщаемые Генеральной Ассамблее для сведения

10. На основании докладов, представленных ее специальными докладчиками, по принадлежности, Комиссия продолжила рассмотрение следующих вопросов:

1) международные договоры (пункт 4a) и

2) режим открытого моря (пункт 6).

Для сведения Генеральной Ассамблеи в частях VI и VII настоящего документа, по принадлежности, сообщаются сведения о ходе работ Комиссии по этим вопросам.

11. Кроме упомянутых выше вопросов, Комиссия рассмотрела также другие пункты своей повестки дня и приняла в связи с ними некоторые постановления. Эти постановления изложены в главе VIII настоящего документа.

ОГОВОРКИ К МНОГОСТОРОННИМ КОНВЕНЦИЯМ

12. Резолюцией 478 (V), принятой 16 ноября 1950 года, Генеральная Ассамблея, кроме прочего, «2. *поручает* Комиссии международного права:

а) в процессе своей работы по кодификации права, регулирующего международные договоры, исследовать вопрос об оговорках к многосторонним конвенциям как с точки зрения кодификации, так и с точки зрения прогрессивного развития международного права; дать приоритет этому исследованию и докладу о нем, особенно поскольку это касается многосторонних конвенций, депозитарием которых является Генеральный Секретарь, причем указанный доклад должен быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей на ее шестой сессии;

б) в связи с этим исследованием принять во внимание все мнения, высказанные на пятой сессии Генеральной Ассамблеи и, в частности, в Шестом комитете».

13. Во исполнение этой резолюции Комиссия международного права дала, на своей третьей сессии, приоритет исследованию вопроса об оговорках к многосторонним конвенциям и рассмотрела этот вопрос на своих 100-м—106-м, 125-м—128-м и 133-м заседаниях. Комиссия имела в своем распоряжении «Доклад об оговорках к многосторонним конвенциям» (A/CN.4/41), который был представлен г-ном Брайерли, специальным докладчиком по международным договорам, а также меморандумы, представленные г-ном Амадо (A/CN.4/L.9 и Согг. 1) и г-ном Селем (A/CN.4/L.14). Кроме того Комиссия изучила официальные отчеты пятой сессии Генеральной Ассамблеи, относящиеся к этому пункту повестки дня, и приняла во внимание изложенные в них мнения.

14. На своей первой сессии (1949 г.) Комиссия, как известно, включила в число отраслей международного права, избранных ею для кодификации, ту отрасль его, которая регулирует международные договоры и дала ей приоритет. Рассматривая эту отрасль права на своей второй сессии (1950 г.) на основании доклада г-на Брайерли (A/CN.4/23), Комиссия приступила к предварительному обсуждению вопроса об оговорках к международным договорам. Наблюдалась значительная доля единомыслия по общим принципам и, в особенности, в том, что «для действительности оговорки необходимо согласие по крайней мере всех участников договора. Но было признано, что вопрос о конкретном применении этих принципов при большом разнообразии ситуаций, которые могут иметь место при заключении многосторонних договоров, требует дальнейшего рассмотрения»¹.

¹ A/1316, Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи, Дополнение № 12, пункт 164.

15. Резолюцией, упомянутой выше в пункте 12, Генеральная Ассамблея, кроме того, обратилась к Международному Суду с просьбой о консультативном заключении по следующим вопросам:

«Поскольку это касается Конвенции о предупреждении геноцида и наказаний за него, в случае если какое-либо государство ратифицирует эту Конвенцию или присоединяется к ней с оговоркой, сделанной либо при ратификации или присоединении, либо при подписании, за которым последовала ратификация.

I) может ли делающее оговорку государство считаться участником этой Конвенции, пока оно все еще настаивает на своей оговорке, если против этой оговорки было заявлено возражение одним или несколькими участниками Конвенции, но не другими?

II) в случае утвердительного ответа на первый вопрос, какое значение имеет оговорка между делающим оговорку государством и:

а) теми участниками Конвенции, которые возражают против этой оговорки?

б) теми, кто принимает ее?

III) какое юридическое значение для ответа на первый вопрос имеет возражение против оговорки, заявленное:

а) государством, подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию?

б) государством, которое имеет право подписать Конвенцию или присоединиться к ней, но еще этого не сделало?»

16. 28 мая 1951 г. Международный Суд, постановлением, принятым 7 голосами против 5, дал консультативное заключение, содержащее следующие ответы на поставленные ему вопросы:²

«Суд того мнения,

поскольку это относится к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и тому случаю, когда какое-либо государство ратифицирует эту Конвенцию или присоединяется к ней с оговоркой, сделанной при ратификации или при присоединении или при подписании, за которым последовала ратификация,

— по вопросу I —

что государство, сделавшее и поддерживающее оговорку, против которой возражают один или несколько участников этой Конвенции, но не другие, может считаться участником Конвенции, если оговорка соответствует предмету и цели Конвенции; иначе это государство не может считаться участником Конвенции;

² Reservations to the Convention on Genocide, Advisory Opinion: I. C. J. Reports 1951, стр. 29 и 30.

— по вопросу II —

а) что если какой-либо участник этой Конвенции возражает против оговорки, которую он считает не соответствующей предмету и цели Конвенции, то он может фактически считать, что сделавшее оговорку государство не является участником Конвенции;

б) что если, с другой стороны, кто-либо из участников принимает оговорку как соответствующую предмету и цели этой Конвенции, то он может фактически считать, что сделавшее оговорку государство является участником Конвенции;

— по вопросу III —

а) что возражение против оговорки, заявленное подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию государством, может иметь юридическое значение, указанное в ответе на вопрос I, только после ратификации; до этого момента оно служит только уведомлением другому государству о будущей позиции подписавшего Конвенцию государства;

б) что возражение против оговорки, заявленное государством, которое вправе подписать эту Конвенцию или присоединиться к ней, но еще этого не сделало, не имеет никакого юридического значения».

Это консультативное заключение Суда было сопро-
вождено двумя особыми мнениями — четырех судей и одного судьи, по принадлежности. Комиссия международного права тщательно изучила эти мнения.

17. Комиссия усматривает, что порученная ей Генеральной Ассамблеей задача отличается от задачи Международного Суда в двух важных отношениях. Во-первых, Комиссии было поручено исследовать вопрос об оговорках к многосторонним конвенциям вообще и, в особенности, поскольку это касается многосторонних конвенций, депозитарием которых является Генеральный Секретарь, тогда как вопросы, поставленные Суду, относились исключительно к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него. Суд подчеркнул характер своей задачи в следующих словах:

«В постановлениях резолюции Генеральной Ассамблеи все три вопроса прямо отнесены к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него, и той же резолюцией Комиссии международного права поручено исследовать общий вопрос об оговорках к многосторонним конвенциям, как с точки зрения кодификации, так и с точки зрения прогрессивного развития международного права. Поскольку вопросы имеют, таким образом, ясно определенный объект, ответы, которые Суд должен дать на эти вопросы, должны, неизбежно, быть строго ограничены указанной Конвенцией»³.

Далее, имея в виду определить, какого рода оговорки могут быть сделаны к Конвенции о геноциде и какого рода возражения могут быть заявлены против этих оговорок, Суд указывает:

«Решение этих вопросов следует искать в отличительных особенностях Конвенции о геноциде. Происхождение и характер этой Конвенции, цели, которые имели в виду Генеральная Ассамблея и договаривающиеся стороны, связь, которая существует между отдельными постановлениями Конвенции и между

этими постановлениями и упомянутыми целями, служат материалом для толкования воли Генеральной Ассамблеи и участников Конвенции»⁴.

Во-вторых, Комиссии было поручено исследовать вопрос «как с точки зрения кодификации, так и с точки зрения прогрессивного развития международного права». Суд же дал консультативное заключение на основании своего толкования действующего права. Комиссия, поэтому, находит, что она может указать тот порядок, который, по ее мнению, для государств было бы удобнее всего принять на будущее время.

18. В соответствии с практикой Лиги Наций, для действительности оговорки к многосторонней конвенции необходимо, чтобы эту оговорку приняли все договаривающиеся стороны. Эта практика была изучена и одобрена Комитетом экспертов Лиги Наций по прогрессивной кодификации международного права, который в своем докладе указал:⁵

«Для действительности какой бы то ни было оговорки к любому постановлению международного договора необходимо, чтобы эта оговорка была принята всеми договаривающимися сторонами, что имеет место в тех случаях, когда оговорка представляется во время переговоров. В противном случае оговорка, так же как и подпись, которую она сопровождает, недействительна».

Этот доклад Комитета экспертов рассматривался 15 и 17 июня 1927 г. в Совете Лиги Наций. Впоследствии Совет принял резолюцию, которой, кроме прочего, поручил «разослать этот доклад членам Лиги Наций» и предложил

«Генеральному Секретарю руководствоваться принципами этого доклада о необходимости согласия всех договаривающихся государств, если речь будет идти об оговорках, сделанных после закрытия конференции, на которой была заключена конвенция, когда, разумеется, на самой конференции не было принято никаких специальных решений»⁶.

Согласно этой резолюции, Генеральный Секретарь 13 июля 1927 г. разослал упомянутый доклад всем государствам-членам Лиги Наций⁷. Принципы этого доклада соблюдались секретариатом Лиги Наций и вошли в его установившуюся практику⁸.

19. Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций в основном следовал практике Лиги Наций. В своем докладе пятой сессии Генеральной Ассамблеи Генеральный Секретарь описал эту практику следующим образом:⁹

«5. При отсутствии в какой-либо определенной конвенции постановлений о порядке, которому надлежит следовать при совершении или принятии оговорок, Генеральный Секретарь, действуя в качестве депозитария, придерживался того общего принципа, что оговорка может окончательно быть принята только после того, как установлено, что ни одно из непо-

³ Там же, стр. 23.

⁵ *League of Nations Official Journal*, 8th Year, No. 7, стр. 880.

⁶ *League of Nations Official Journal*, Minutes of the 45th Session of the Council, стр. 770-772 и 800-801.

⁷ *League of Nations document C. 357. M. 130. 1927. V.*

⁸ Hudson, *International Legislation*, Vol. I, стр. L. note 3.

⁹ A/1372, пункты 5 и 6.

³ Там же, стр. 20.

средственно заинтересованных государств против этого не возражает. Если конвенция уже вступила в силу, то прямое или молчаливое согласие необходимо, таким образом, со стороны всех государств, ставших ее участниками до того дня, когда предложена оговорка. Если же конвенция еще не вступила в силу, то ратификационная грамота или декларация о присоединении, представленная с оговоркой, может быть окончательно принята в депозит только с согласия всех государств, которые ратифицировали конвенцию или присоединились к ней на день вступления ее в силу.

6. Поэтому Генеральный Секретарь, по получении подписи или ратификационной грамоты или декларации о присоединении, сопровождаемых оговоркой к еще не вступившей в силу конвенции, официально уведомляет об этой оговорке все государства, которые могут стать участниками конвенции. При этом он также обращается к государствам, ратифицировавшим конвенцию или присоединившимся к ней, с просьбой сообщить ему о своем отношении к оговорке, одновременно уведомляя их, что, если они не сообщат ему соответствующие возражения до определенного срока, по общему правилу — до вступления конвенции в силу, то он будет считать, что оговорка ими принята. Государствам, ратифицировавшим конвенцию или присоединившимся к ней без прямых возражений после уведомления об оговорке, сообщается, что Генеральный Секретарь предполагает, что они согласились на эту оговорку. Если в момент получения оговорки конвенция уже вступила в силу, то применяется порядок, по существу мало отличающийся от вышеуказанного, с тем только исключением, что представляется резонный срок для представления возражений, и только по истечении этого срока устанавливается предположение о молчаливом согласии¹⁰.

В докладе далее говорится:¹⁰

«46. Правило, которого придерживается Генеральный Секретарь, действуя в качестве депозитария, может соответственно быть изложено следующим образом:

Государство может сделать оговорку при подписании или ратификации конвенции или при присоединении к ней, до вступления ее в силу, только с согласия всех государств, которые до того ратифицировали конвенцию или присоединились к ней».

20. В Международной организации труда установлена, вследствие особенностей устава этой организации, практика, указанная в письменном заявлении от 12 января 1951 г., представленном этой организацией Международному Суду по вопросу об оговорках к Конвенции о геноциде¹¹. Эта практика исключает возможность оговорок к международным конвенциям о труде. Однако, при составлении этих конвенций часто принимаются во внимание особые условия, существующие в определенных странах, и вносятся для этих стран такие исключительные постановления, благодаря которым они получают возможность эти конвенции ратифицировать. Генеральная конференция должна соблюдать именно такой порядок на основании пункта 3 статьи 19 и других статей устава этой организации.

¹⁰ Там же, пункт 46.

¹¹ I. C. J. document Distr. 51/10, стр. 212-278.

21. В Организации американских государств принята другая система, которая указана в письменном заявлении Панамериканского союза от 14 декабря 1950 г., представленном Международному Суду по вопросу об оговорках к Конвенции о геноциде¹². В резолюции, принятой 23 декабря 1938 г. на Восьмой международной конференции американских государств, состоявшейся в Лиме, Перу, было предусмотрено, что

«В случае присоединения или ратификации с оговорками, присоединяющееся или ратифицирующее государство препровождает Панамериканскому союзу, до депонирования соответствующего акта, текст оговорки, которую предлагает формулировать, чтобы, таким образом, Панамериканский союз мог уведомить об этом подписавшие договор государства и выяснить согласны они на это или нет. Государство, которое имеет в виду присоединиться к международному договору или ратифицировать его, может это сделать или не сделать, учитывая замечания по поводу его оговорки со стороны подписавших этот договор государств»¹³.

Таким образом, если к конвенции предложена оговорка, депонирование ратификации делающим оговорку государством откладывается, пока не будет выяснено отношение других подписавших конвенцию государств к предложенной оговорке и пока предложившее оговорку государство не сможет ознакомиться с замечаниями других государств. Это не препятствует делающему оговорку государству, несмотря на то обстоятельство, что против оговорки заявлено одним или несколькими государствами возражение, окончательно денонсировать свою ратификацию, если оно того пожелает, и, таким образом, стать участником конвенции. Это препятствует только вступлению конвенции в силу между делающим оговорку государством и государством, возражающим против этой оговорки. Юридическое положение было определено Исполнительным бюро Панамериканского союза в резолюции, принятой 4 мая 1932 г.¹⁴, таким образом.

«Что касается юридического значения международных договоров, ратифицированных с такими оговорками, которые не были приняты, то Исполнительное бюро Панамериканского союза полагает, что

1. такой международный договор, в той форме, в какой он был подписан, имеет силу между странами, ратифицировавшими его без оговорок, с теми постановлениями, которые были первоначально разработаны и подписаны;

2. он имеет силу между правительствами, ратифицировавшими его с оговорками, и теми подписавшими его государствами, которые эти оговорки приняли, в той форме, которую этот договор приобретает в результате внесенных этими оговорками изменений;

3. он не имеет силы между правительством, ратифицировавшим его с оговорками, и другим правительством, ратифицировавшим этот договор ранее и не принявшим оговорок».

22. Комиссия признает, что члены региональной или континентальной организации могут находиться в особом положении, ввиду тех своих общих историче-

¹² I. C. J. document Distr. 51/10, стр. 11 и 16.

¹³ Final Act of the Eighth International Conference of American States, Resolution XXIX, paragraph 2.

¹⁴ I. C. J. document Distr. 51/10, стр. 13.

ских традиций и тесных культурных связей между собой, которые нельзя усмотреть во взаимоотношениях между всеми вообще государствами. Члены Организации американских государств приняли тот порядок, который считают отвечающим их нуждам. Этот порядок, как он описан в предыдущем пункте, имеет целью обеспечить возможно большее число ратификаций. Однако изучение истории конвенций, принятых на конференциях американских государств за последние двадцать пять лет, не убедило Комиссию в том, что приближение к универсальности обязательно обеспечивается или облегчается, если государству, сделавшему оговорку, против которой заявлены возражения, разрешается вступить в число участников договора в отношении тех государств, которые возражений не заявили. В отношении многих многосторонних конвенций обеспечение универсальности может быть наиболее важным соображением, и, когда это так, государства всегда могут принять тот порядок, которого придерживается Панамериканский союз, и включить в конвенцию соответствующее постановление. Но имеются другие многосторонние конвенции, в отношении которых важнее соображения о целостности и единообразном применении конвенции, чем об универсальности, и Комиссия находит, что это особенно вероятно, поскольку речь идет о конвенциях, разрабатываемых по почину Организации Объединенных Наций. Эти конвенции имеют нормоустановительный характер, и каждое государство принимает на себя по этим конвенциям обязательство ограничить свою свободу действий, при условии, что и другие участвующие в них государства примут на себя такое же обязательство на основе равенства. Практика Панамериканского союза поощряет представление оговорок. Разнообразие этих оговорок и различное к ним отношение со стороны государств могут дробить многостороннюю конвенцию на целый ряд двусторонних соглашений и, таким образом, уменьшить эффективность многосторонних конвенций. Поэтому Комиссия не рекомендует применять эту практику ко всем многосторонним конвенциям вообще, если сами стороны не изъявляют соответствующего намерения¹⁵.

23. В приведенном выше — в пункте 16 — консультативном заключении от 28 мая 1951 г. Международный Суд принял, поскольку это касается оговорок к Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него, определенный критерий, а именно — соответствие оговорок «предмету и цели» конвенции. Так, в своем ответе на Вопрос I Суд указал,

¹⁵ Г-н Пепес заявил, что, к глубокому своему сожалению, вынужден был голосовать против этого постановления по следующим мотивам, подробно им разъясненным при обсуждении вопроса в Комиссии:

1) Если так называемая панамериканская система может успешно применяться в такой группе тесно связанных между собой и поддерживающих друг с другом самые близкие отношения государств, как Организация американских государств, то тем более эта система может применяться в такой более широкой организации государств, менее связанных друг с другом, как Организация Объединенных Наций, универсальный характер которой делает ее в этом отношении менее требовательной, чем такая чисто региональная организация, как Организация американских государств.

2) Он полагает, что, поскольку панамериканская система применяется большинством государств-членов Организации Объединенных Наций, эту систему можно считать действующим правом по данному вопросу, и Комиссия, таким образом, следовало принять соответствующую практику.

«что государство, сделавшее и поддерживающее оговорку, против которой возражают один или несколько участников этой Конвенции, но не другие, может считаться участником Конвенции, если оговорка соответствует предмету и цели Конвенции; иначе это государство не может считаться участником Конвенции»¹⁶. Применение этого критерия оставлено на попечение каждого участвующего в Конвенции государства. «Каждое участвующее в Конвенции государство», по мнению Суда, «вправе оценивать действительность оговорок и осуществляет это право индивидуально и руководствуясь своей собственной точкой зрения»¹⁷. В своем ответе на Вопрос II Суд указал, что каждый участник Конвенции о геноциде «может фактически» считать или не считать сделавшее оговорку государство участником Конвенции, в зависимости от того, находит ли он оговорку соответствующей или несоответствующей предмету и цели Конвенции.

24. Комиссия находит, что примененный Международным Судом к Конвенции о геноциде критерий — соответствие оговорок предмету и цели многосторонней конвенции — не может применяться ко всем многосторонним конвенциям вообще. Он вызывает необходимость разделения постановлений конвенции на две категории — составляющих и не составляющих часть ее предмета и цели. Можно, думается, исходить из предположения, что стороны, по крайней мере как общее правило, рассматривают постановления конвенции как одно неразрывное целое, и что оговорка к любому из них может считаться относящейся к предмету и цели конвенции. Даже если считать, что различие между постановлениями, образующими и не образующими часть предмета и цели конвенции, может, по существу, быть проведено, то Комиссия не видит иного основания для проведения такого различия, кроме основания субъективного. Если государство «А» предлагает оговорку, которую государство «В» находит соответствующей, а государство «С» не соответствующей предмету и цели конвенции, то нет никакого объективного мерила, при помощи которого можно было бы установить — кто прав. Даже если имеется возможность передачи такого расхождения во мнениях на судебное решение, то этой возможностью могут не воспользоваться и, во всяком случае, разрешение вопроса может затянуться. Пока применение этого критерия (соответствия) зависит от субъективного усмотрения, и одни стороны согласны принять оговорку, а другие — нет, положение делающего оговорку государства в отношении конвенции неизбежно остается неопределенным, а если конвенция предусматривает юрисдикцию Международного Суда по спорам о толковании или применении ее постановлений, и кто-либо из участников конвенции обратится к этому Суду, то могут возникнуть затруднения при определении — кто является участниками конвенции, имеющими право вступления в дело согласно статье 63 Статута Суда. Больше того, если, как часто бывает, вступление в силу или прекращение конвенции зависит от числа депонированных ратификаций или денонсаций, то могут возникнуть сомнения даже относительно статуса самой конвенции.

¹⁶ I. C. J. Reports 1951, стр. 29.

¹⁷ Там же, стр. 26.

25. Комиссии было предложено уделить особое внимание тем многосторонним конвенциям, депозитарием которых является Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций, и она находит, что приведенные соображения особенно применимы именно к этим конвенциям. Генеральный Секретарь является депозитарием уже более ста таких конвенций, и можно ожидать, что он станет депозитарием многих других. Комиссия учитывает, как сложна должна быть задача, которую Генеральному Секретарю пришлось бы выполнять, если бы делающие оговорки государства могли становиться участниками многосторонних конвенций, несмотря на возражения против их оговорок со стороны некоторых участников таких конвенций. Могло бы создаться такое положение, при котором ему пришлось бы, по крайней мере временно, становиться на определенную точку зрения в связи с расхождением во мнениях относительно значения предложенных оговорок, и необходимо было бы вести учет разнообразным двусторонним правоотношениям, на которые такое правило будет иметь тенденцию разбивать многосторонние конвенции.

26. Если в число участников многосторонней конвенции могут вступать государства вообще, то желательно, несомненно, чтобы такая конвенция была принята возможно большим числом государств. Самый факт, что конвенция открыта таким образом, указывает на то, что она относится к какому то вопросу широкого международного значения, по которому желательно улучшить или изменить действующее право. С другой стороны, желательно также сохранять единообразие обязательств всех участников многосторонней конвенции, и часто может быть важнее сохранить цельность конвенции, чем стремиться, любой ценой, к наиболее широкому ее принятию. Делающее оговорку государство предлагает, в сущности, включить в конвенцию постановление, которое освободило бы его от некоторых последствий, которые вытекали бы для него, иначе, из данной конвенции, тогда как другие государства, которые являются или могут стать участниками этой конвенции, полностью принимают эти последствия на себя в отношениях друг с другом. Если допустить к участию в многосторонней конвенции государство, настаивающее на своей оговорке несмотря на возражение какого-либо участника конвенции, то этот последний может иметь основания считать, что соображения, по которым он принял участие в конвенции, настолько утратили значение вследствие этой оговорки, что ему не следует признавать эту конвенцию для себя обязательной.

27. Участвующие в переговорах государства всегда могут предусмотреть в тексте самой конвенции границы, в пределах которых оговорки допустимы, если они допустимы вообще, и значение, которое будут иметь возражения против этих оговорок. Затруднения возникают обычно именно в тех случаях, когда конвенция не содержит соответствующих постановлений. Чрезвычайно желательно, поэтому, чтобы вопрос об оговорках к многосторонним конвенциям прямо разрешался составителями текстов таких конвенций во время их составления. По мнению Комиссии, это даст, в конечном счете, самые положительные результаты. Можно принимать различные постановления в зависимости, до известной, по крайней мере, степени, от того относительного значения,

которое придается сохранению цельности текста или возможно более широкому принятию конвенции, хотя бы и на различных условиях.

1) В некоторых случаях желательно, может быть, чтобы текст конвенции исключал всякую возможность оговорок, как и было сделано в Коненгагенской конвенции 1948 года о радиовещании в Европе. Это особенно желательно в отношении международных учредительных актов.

2) Если допускаются какие-либо оговорки, то можно устанавливать точный текст их, как это было сделано в Генеральном (Общем) акте 26 сентября 1928 г. о мирном разрешении международных споров, или ограничивать их содержание, предусматривая, что они могут относиться только к определенным частям текста, как это было сделано в Женевской конвенции 1949 года, о движении по дорогам.

3) Если в тексте не устанавливается никаких пределов допустимости оговорок и если не существует какого-либо установленного организационного порядка для рассмотрения оговорок, то в этом тексте должны быть предусмотрены порядок представления оговорок и их значение. Особенно важно разъяснять, какие государства могут заявлять возражения против оговорок, в течение какого срока возражения должны быть заявлены, чтобы они могли быть приняты, и каковы последствия этих возражений. Этот порядок должен, поэтому, относиться, в частности, к следующим вопросам:

- а) как и когда оговорки могут быть предложены;
- б) какие уведомления должен делать депозитарий в связи с оговорками и возражениями против них;
- в) государства каких категорий вправе заявлять против оговорок возражения и каким образом они могут давать свое согласие на оговорки;
- г) в течение какого срока возражения должны быть заявлены;
- е) какое значение в вопросе об участии сделавшего оговорку государства в конвенции имеет то обстоятельство, что другое государство поддерживает свое возражение?

28. Комиссия находит, что многосторонние конвенции настолько разнообразны по своему характеру и предметам, что если ведущие переговоры государства не будут разрешать в текстах таких конвенций вопросы о допустимости и последствиях оговорок, то никакое единое правило, которое применялось бы единообразно не может быть вполне удовлетворительным. Любое правило может, в некоторых случаях приводить к совершенно неожиданным результатам. Поэтому Комиссия полагает, что ее задача состоит в том, чтобы рекомендовать не такое правило, которое было бы совершенным, а такое, которое представлялось бы ей наименее неудовлетворительным и, вместе с тем, применимым в большинстве случаев. Комиссия находит, что, в общем, такое правило можно усмотреть в той практике, которой до сих пор придерживался Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций, если ввести некоторые коррективы к этой практике, указанные ниже — в пунктах 29 и 30. Комиссия высказывает свое мнение в форме нескольких практических правил, которые изложены ниже — в пункте 34.

29. Представление оговорки, поскольку это касается отношений с представляющим ее государством есть, в сущности, предложение вступить в новое соглашение, условия которого отличаются от условий соглашения, выраженного в тексте конвенции. Для такого нового соглашения необходимо согласие всех заинтересованных государств. Возникает, однако, вопрос, какие государства могут считаться заинтересованными. Согласно практике Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций, описанной выше — в пункте 19, такими государствами являются только те, которые ратифицировали или иным путем приняли данную конвенцию. Если конвенция подлежит ратификации или принятию, то возражение против оговорки, заявленное государством, которое подписало но не ратифицировало и не приняло ее иным путем, не исключает для сделавшего оговорку государства возможности участия в конвенции. По мнению Комиссии, однако, следует принимать во внимание также и интересы государства, которое только подписало конвенцию. Ибо как раз в тот момент, когда предлагается оговорка, конвенция может быть предметом изучения со стороны такого государства, или в этом государстве может завершаться процесс, необходимый для ее ратификации, или, по каким-либо причинам, например — в связи с созывом парламента, это государство могло быть вынуждено отложить ее ратификацию. В связи с этим была высказана мысль, что за государством, которое только подписало конвенцию, следовало бы признать право заявлять возражения исключительно против оговорок, предложенных до вступления конвенции в силу. Проведение подобного различия между оговорками, предложенными до вступления конвенции в силу, и оговорками, предложенными после этого, вряд ли, однако, уместно в тех случаях, когда вступление конвенции в силу определяется депонированием ратификаций очень небольшого числа государств, как, например, было определено вступление в силу четырех Женевских конвенций Красного Креста от 12 августа 1949 г., подписанных более чем шестидесятью государствами, но предусматривавших, что они «вступят в силу через шесть месяцев после депонирования не менее двух ратификационных грамот». В таких случаях очень небольшое число государств может, путем предложения и принятия оговорок между собой, настолько изменить условия конвенции, что те подписавшие ее государства, которые могут составлять подавляющее большинство участвовавших в переговорах, будут иметь перед собой новую, в сущности, конвенцию.

30. Комиссия полагает, что подписавшие конвенцию государства не станут заявлять таких возражений против оговорки, которые не имели бы отношения к ее существу. Однако, чтобы предупредить возможные злоупотребления со стороны подписавшего конвенцию государства своим правом возражать против оговорки, и устранить возможность недонущения, в течение неопределенного времени, делающего оговорку государства к участию в конвенции государством, которое само воздерживается от принятия на себя обязательств стороны, Комиссия находит, что, хотя возражению со стороны государства, которое только подписало конвенцию, и следует придавать значение препятствия для вступления в конвенцию сделавшего оговорку государства, это значение должно

быть ограничено определенным сроком, по истечении которого возражение должно это значение утрачивать. Учитывая обычные административные и конституционные требования, которые большинство правительств должно выполнять при ратификации международных договоров и конвенций, Комиссия полагает, что надлежащим сроком можно было бы считать двенадцать месяцев, в течение какового срока государство может осуществить ратификацию или принятие конвенции. Соответственно сказанному Комиссия полагает, что, если по истечении двенадцати месяцев после того дня, когда подписавшее конвенцию государство заявило возражение против оговорки к многосторонней конвенции, это государство не ратифицирует или не примет конвенцию, его возражение должно утрачивать значение препятствия для вступления сделавшего оговорку государства в число участников конвенции.

31. Некоторые конвенции открыты для присоединения, но не открыты для подписания. Примером может служить Конвенция 13 февраля 1946 г. о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций. Такие конвенции, будучи исключениями, вызывают специальные вопросы в связи с оговорками. Поскольку их число довольно ограничено, Комиссия не видит необходимости указывать, какой практики в отношении этих конвенций следовало бы придерживаться.

32. Комиссия находит, что принятая должным образом оговорка к многосторонней конвенции ограничивает значение конвенции в отношениях между сделавшим оговорку государством и другими государствами, которые уже участвуют или могут вступить в число участников этой конвенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ

33. Комиссия находит, что органам Объединенных Наций, специализированных учреждений и государств следует, при разработке многосторонних конвенций, рассматривать вопрос о включении в эти конвенции постановлений о допустимости или недопустимости оговорок и о значении, которое придается оговоркам.

34. Комиссия находит, что, при отсутствии постановления о противном в какой-либо многосторонней конвенции и при отсутствии какого-либо применимого организационного порядка, следует принять в отношении оговорок к многосторонним конвенциям, и, в частности, к тем конвенциям, депозитарием которых является Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций, следующую практику:

1) Депозитарий любой многосторонней конвенции должен по получении каждой оговорки сообщать ее всем государствам, которые являются или вправе стать участниками этой конвенции.

2) Депозитарий любой многосторонней конвенции, сообщая оговорку государству, которое вправе заявить возражение, должен одновременно просить это государство указать свое отношение к этой оговорке в течение определенного срока, и такой срок может быть продлен, если это будет признано необходимым. Если в течение этого определенного или продленного таким образом срока государство не уведомит депозитария о своем отношении к данной оговорке или

если, не заявляя возражения против этой оговорки, оно подпишет, ратифицирует или иным путем примет конвенцию в течение этого срока, оно должно считаться согласившимся на эту оговорку.

3) Депозитарий любой многосторонней конвенции должен сообщать все ответы на свои запросы, относящиеся к любой оговорке к этой конвенции, всем государствам, которые являются или вправе стать участниками этой конвенции.

4) Если какая-либо многосторонняя конвенция должна вступить в силу только вследствие ее подписания, и никаких других действий не требуется, то государство, которое предлагает оговорку при подписании, может стать участником конвенции только при отсутствии возражения со стороны какого-либо из тех государств, которые подписали эту конвенцию ранее, а если эта конвенция открыта для подписания в течение определенного ограниченного срока — только при отсутствии возражения со стороны какого-либо из тех государств, которые стали участниками этой конвенции в течение этого срока.

5) Если ратификация или принятие в какой-либо иной форме, после подписания, необходимы для вступления какой-либо многосторонней конвенции в силу,

а) оговорка, сделанная каким-либо государством при подписании, не должна иметь никакого значения, если не будет повторена или на нее не будет сделано ссылки в последующей ратификации или принятии со стороны этого государства;

б) любое государство, которое предлагает ратификацию или принятие с оговоркой, может стать участником конвенции только при отсутствии возражения со стороны какого-либо из тех других государств, которые, к моменту, когда это предложение делается, подписали, ратифицировали или иным путем приняли эту конвенцию, а если эта конвенция открыта для подписания в течение определенного ограниченного срока — при отсутствии возражения также и со стороны какого-либо из тех государств, которые подпишут, ратифицируют или иным путем примут эту конвенцию после того, как это предложение сделано, но до истечения упомянутого срока, причем, однако, возражение со стороны государства, которое только подписало конвенцию, должно утрачивать значение препятствия для вступления сделавшего оговорку государства в число участников конвенции, если в течение двенадцатимесячного срока со времени заявления своего возражения заявившее возражение государство не ратифицирует или не примет иначе эту конвенцию.

ВОПРОС ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССИИ¹⁸

35. Генеральная Ассамблея приняла 17 ноября 1950 г. резолюцию 378 В (V), которая гласит:

«Генеральная Ассамблея

принимая во внимание, что вопрос, поднятый предложением Союза Советских Социалистических Республик (А/С.1/608), может быть с большим успехом изучен в связи с вопросами, рассматриваемыми Комиссией международного права, вспомогательным органом Объединенных Наций,

постановляет передать предложение Союза Советских Социалистических Республик и все отчеты Первого комитета, касающиеся этого вопроса, в Комиссию международного права, с тем чтобы она могла принять их во внимание и возможно скорее формулировать свои заключения».

36. Эта резолюция была принята в связи с пунктом повестки дня — «Обязанности государств в случае открытия военных действий». Предложение Союза Советских Социалистических Республик¹⁹, о котором упоминается в этой резолюции, было первоначально представлено в Первый комитет Генеральной Ассамблеи. Согласно этому предложению, Генеральная Ассамблея, «полагая необходимым... определить возможно более точным образом понятие нападения», должна была бы объявить, кроме прочего, что «будет признано нападающим в международном конфликте государство, которое первым совершит» одно из перечисленных в этом предложении действий.

37. Во исполнение этой резолюции Генеральной Ассамблеи Комиссия международного права рассмотрела на своих 92-м—96-м, 108-м, 109-м, 127-м—129-м и 133-м заседаниях поставленный в упомянутом выше предложении СССР вопрос и, в связи с этим, изучила относящиеся к нему отчеты Первого комитета.

38. Прежде всего Комиссия рассмотрела вопрос о своих задачах согласно этой резолюции приняв во внимание относящиеся сюда дебаты, происходившие в Первом комитете. Некоторые члены Комиссии высказали мнение, что, по смыслу этой резолюции, Комиссия просто должна принять во внимание советское предложение и происходившие по нему в Первом комитете дебаты, когда она будет разрабатывать проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Большинство членов Комиссии, нашла, однако, что Генеральная Ассамблея поручила Комиссии попытаться определить понятие агрессии и представить доклад о результатах своей работы.

¹⁸ Г-н Гудсон голосовал против этой главы доклада, указав, что Генеральная Ассамблея в своей резолюции 378 В (V) не поручала Комиссии формулировать определение агрессии.

¹⁹ А/С.1/108.

39. Комиссия имела в своем распоряжении доклад, озаглавленный «Возможность и желательность определения агрессии», который был представлен г-ном Спиропулосом, специальным докладчиком по проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (А/CN.4/44, глава II). Сделав обзор прошлых попыток определения агрессии, специальный докладчик указал, что «когда государствам приходится решать, имеется ли налицо «агрессия», предусматриваемая международным правом», они основывают свои решения на критерии, отвечающем «естественному», так сказать, понятию агрессии... а не на юридических построениях». Анализируя это понятие агрессии, он указал, что его образуют объективный и субъективный элементы, а именно факт совершения государством акта насилия и совершения его этим государством первым, и факт совершения этого акта насилия с агрессивным намерением (*animus aggressionis*). Но какое именно насилие, прямое или косвенное, или какая степень насилия составляют агрессию, нельзя определить априори. Это зависит от обстоятельств каждого конкретного случая. Он пришел к выводу, что это «естественное понятие» агрессии есть «своеобразная концепция, которая не поддается определению». «Любое «юридическое» определение агрессии было бы искусственным построением», которое никогда не могло бы быть достаточно полным, чтобы охватить все возможные случаи агрессии, ибо методы агрессии непрерывно эволюционируют.

40. Два других члена Комиссии — г-н Амадо и г-н Альфаро — представили по этому вопросу меморандумы. Г-н Амадо указал в своем меморандуме (А/CN.4/L.6 и Corr. 1), что никакое определение агрессии, в основу которого было бы положено перечисление актов агрессии, не может быть удовлетворительным, ибо такое перечисление не может быть полным, а всякий пробел опасен. Он полагал, что Комиссии следует принять общую гибкую формулу, которая устанавливала бы, что

«любая война, которая ведется не в осуществление права самообороны или по применению постановлений статьи 42 Устава Организации Объединенных Наций, [есть] война агрессивная».

Такая формула могла бы, по его мнению, применяться к любой фактической ситуации, и соответствующие органы Объединенных Наций могли бы пользоваться ею, не будучи ограничены в своей необходимой свободе действий.

41. Г-н Альфаро в своем меморандуме (А/CN.4/L.8) также высказался за абстрактное определение агрессии. На основании изучения прошлых попыток определения агрессии он высказал мнение, что удовлетворительную формулу найти не удалось

потому, что стремились построить определение на идее перечисления различных актов, составляющих агрессию. По его мнению, удовлетворительные результаты могут быть достигнуты только если отказаться от доказавшего свою несостоятельность метода перечисления и попытаться выработать абстрактное определение. В заключение он предложил формулу такого определения (приводится ниже — в пункте 46).

42. Вместе с тем, г-н Иепес внес предложение (A/CN.4/L.7) об определении понятия агрессора на основе метода перечисления. Это предложение было им, однако, затем заменено другим (A/CN.4/L.12), согласно которому агрессия определялась в общей форме, а именно следующим образом:

«По смыслу статьи 39 Устава Организации Объединенных Наций под актом агрессии следует понимать любое прямое или косвенное применение насилия (силы) каким-либо государством или группой государств против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или группы государств.

Насилие (сила), применяемое прегулярными отрядами, организованными на территории какого-либо государства или за пределами его территории при активном или пассивном соучастии этого государства, признается агрессией по смыслу предшествующего абзаца.

Применение насилия (силы) в осуществление права индивидуальной или коллективной самообороны, признаваемого в статье 51 Устава, или во исполнение решения, должным образом принятого компетентным органом Объединенных Наций, не должно считаться актом агрессии.

Никакие политические, экономические, военные или иные соображения не могут служить оправданием акта агрессии».

43. Другое предложение (A/CN.4/L.11 и Согг. 1) было внесено г-ном Сюем. В этом предложении особое внимание было уделено косвенной агрессии. Проект г-на Сюя гласил:

«Агрессия, которая является международно-правовым преступлением, есть враждебный акт одного государства, направленный против другого, совершаемый путем а) применения вооруженной силы иначе, чем для самообороны или осуществления принудительных мероприятий Организации Объединенных Наций, или б) вооружения организованных шпек или третьих государств, враждебных потерпевшему государству, с наступательными целями, или с) разжигания междоусобий в потерпевшем государстве в интересах какого-либо иностранного государства, или д) любого другого неправомерного применения силы, открытого или иного».

44. Наконец, г-н Кордова, имея целью включение в проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества постановления, в силу которого агрессия и угроза агрессией были бы признаны преступлениями согласно этому кодексу, представил следующий проект (A/CN.4/L.10):

«Агрессия есть прямое или косвенное применение властями какого-либо государства вооруженной силы против другого государства с какой бы то ни было целью, кроме национальной или коллективной

самообороны или исполнения решения компетентного органа Объединенных Наций.

Угроза агрессией также считается преступлением согласно настоящей статье».

45. Вопрос о том, следует ли придерживаться метода перечисления или попытаться выработать определение агрессии в общей форме, был Комиссией рассмотрен. Комиссия нашла, что определять агрессию путем подробного перечисления актов агрессии не следует, ибо никакой перечень не может быть полным. Было, вместе с тем, признано нежелательным чрезмерно ограничивать жестким и, по необходимости, неполным перечнем составляющих агрессию актов свободу подлежащих органов Объединенных Наций принимать решения. Поэтому было решено, что единственный практический путь — это попытаться выработать общее и абстрактное определение.

46. Приступая к выработке определения агрессии в общей форме, Комиссия приняла за основу дискуссию текст, представленный г-ном Альфаро в его меморандуме (A/CN.4/L.8), ибо в нем содержалось наиболее широкое общее определение из поступивших на рассмотрение Комиссии. Проект г-на Альфаро гласил:

«Агрессия есть применение силы одним государством или группой государств или каким-либо правительством или группой правительств против территории и населения других государств или правительств, каким бы то ни было образом, какими бы то ни было методами, по каким бы то ни было мотивам и с какими бы то ни было целями, кроме индивидуальной или коллективной самообороны против вооруженного нападения или принудительных мероприятий Организации Объединенных Наций».

47. Комиссия рассмотрела вопрос о том, следует ли в определение включать косвенную агрессию. Было признано, что определение агрессии должно обнимать не только открытое применение силы одним государством против другого, но и косвенные формы агрессии, как-то разжигание междоусобий одним государством в другом, вооружение каким-либо государством организованных шпек с агрессивными целями, направленными против другого государства, и посылка «добровольцев» для участия в военных действиях против другого государства. В связи с этим была принята во внимание резолюция 380 (V), вынесенная Генеральной Ассамблеей 17 ноября 1950 г., в которой, кроме прочего, указано, что Генеральная Ассамблея

«торжественно подтверждает, что, какое бы оружие ни применялось, всякая агрессия, совершаемая либо открыто, либо путем возбуждения гражданской войны в интересах другой державы, либо любым другим путем, есть тягчайшее из всех преступлений против мира и безопасности во всем мире».

48. Мнения разделились по вопросу о том, следует ли считать агрессией не только применение, но и угрозу применением силы. Некоторые из членов Комиссии полагали, что угроза силой означает только угрозу агрессией, тогда как другие утверждали, что она должна войти в определение ввиду того обстоятельства, что к угрозам применения силы прибегали с агрессивными целями. В итоге Комиссия решила

изменить определение, которое было предложено г-ном Альфаро, включив в это определение угрозу силой.

49. Комиссия внесла также другие редакционные изменения в предложенный г-ном Альфаро проект определения. С этими изменениями определение в окончательной форме гласило:

«Агрессия есть угроза силой или применение силы каким-либо государством или правительством против другого государства, каким бы то ни было образом, каким бы оружием ни пользовались, открыто или иначе, по каким бы то ни было мотивам и с какими бы то ни было целями, кроме индивидуальной или коллективной самообороны или исполнения решения или рекомендации компетентного органа Объединенных Наций».

50. Некоторые члены Комиссии нашли, однако, неудовлетворительным и это определение, ибо, по их мнению, оно не обнимало всех возможных актов агрессии и могло оказаться опасным, ограничив необходимую свободу действий органов Объединенных Наций, если последним пришлось бы в будущем применять это определение в конкретных случаях. Другие члены Комиссии указывали, что в это определение не вошли те или иные существенные по их мнению элементы.

51. Когда это определение было поставлено на окончательное голосование, оно было отклонено 7 голосами против 3, при одном воздержавшемся. Голосование производилось, по требованию одного из членов Комиссии, поименно и дало следующие результаты:

Голосовали за: г.г. Альфаро, Кордова и Франсуа

Голосовали против: г.г. Амадо, Брайерли, Йепес, Сандстрем, Спирупулос, Сюй и эль-Хури

Воздержались: г-н Гудсон

Отсутствовали: г-н Сель

52. После этого г-н Альфаро высказался за то, чтобы Комиссия не прекращала своей работы над определением агрессии, и внес предложение попытаться установить такое определение на основе всех текстов, представленных другими членами Ко-

миссии. При поименном голосовании это предложение было отклонено 6 голосами против 4, при одном воздержавшемся, а именно:

Голосовали за: г.г. Альфаро, Йепес, Кордова и Сюй

Голосовали против: г.г. Амадо, Брайерли, Гудсон, Сандстрем, Франсуа и эль-Хури

Воздержались: г-н Спирупулос

Отсутствовали: г-н Сель

53. Вопрос был, впоследствии, пересмотрен по просьбе г-на Селя, который представил меморандум (A/CN.4/L.19 и Corr.1) с общим определением агрессии и предложил прямо объявить агрессию преступлением против мира и безопасности человечества. Определение г-на Селя гласило:

«Агрессия есть преступление против мира и безопасности человечества. Это преступление состоит в любом обращении к силе, противоречащем постановлению Устава Организации Объединенных Наций, имеющем целью изменить положение действующего позитивного международного права или имеющем следствием нарушение публичного порядка».

Это предложение обсуждалось в связи с составлением проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Подобные же предложения были внесены другими членами Комиссии. Комиссия постановила включить в число преступлений, определяемых в проекте кодекса, любой акт агрессии и любую угрозу агрессией.

Поэтому в статью 2 проекта кодекса были включены следующие пункты:

«Следующие деяния являются преступлениями против мира и безопасности человечества:

1) любой акт агрессии, включая применение властями какого-либо государства вооруженной силы против другого государства с какой бы то ни было целью, кроме национальной или коллективной самообороны или исполнения решения или рекомендации компетентного органа Объединенных Наций;

2) любая угроза властей какого-либо государства прибегнуть к акту агрессии против другого государства».

ПРОЕКТ КОДЕКСА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВВЕДЕНИЕ

54. Резолюцией 177 (II) от 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея постановила

«поручить формулирование принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении, Комиссии международного права, члены которой, согласно резолюции 174 (II), будут избраны на следующей сессии Генеральной Ассамблеи», и предложила этой Комиссии

«а) формулировать принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его решении, и

б) составить проект кодекса законов о преступлениях против мира и безопасности человечества, указав ясно место, которое должно быть отведено принципам, упомянутым выше в пункте а».

В 1950 году Комиссия международного права представила выработанную ею на основании пункта а резолюции 177 (II) формулировку Генеральной Ассамблеи. Резолюцией 488 (V) от 12 декабря 1950 г. Генеральная Ассамблея пригласила правительства государств-членов Организации представить свои замечания по поводу этой формулировки и предложила Комиссии

«при составлении кодекса преступлений против мира и безопасности человечества учесть замечания, сделанные относительно указанной формулировки делегациями на пятой сессии Генеральной Ассамблеи, и все замечания, которые могут быть сделаны правительствами».

55. На своей первой сессии в 1949 году Комиссия подвергла вопрос о составлении проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества предварительному рассмотрению, назначила г-на Спироулоу специальным докладчиком по этому вопросу и предложила ему составить докладную записку и представить ее на второй сессии Комиссии. Кроме того, Комиссия постановила разослать правительствам вопросник, с просьбой указать, какие преступления следует предусмотреть в проекте кодекса, помимо признанных в статуте и решении Нюрнбергского трибунала.

56. В 1950 году, на второй сессии, г-н Спироулоу представил свой доклад (A/CN.4/25) Комиссии, и последняя приняла этот доклад за основу дискуссии. Вопрос рассматривался Комиссией на 54-м—62-м и 72-м заседаниях. Комиссия приняла во внимание также и ответы, полученные от правительств по вопроснику Комиссии (A/CN.4/19, часть II, A/CN.4/19/Add.1 и Add.2). На основании проходившей в Комиссии дискуссии редакционный комитет в со-

ставе г-г. Альфаро, Гудсона и Спироулоу составил предварительный текст (A/CN.4/R.6), который был, без обсуждения, передан Комиссией г-ну Спироулоу, и последнему было предложено продолжить разработку вопроса и представить новый доклад на третьей сессии Комиссии.

57. В 1951 году, на третьей сессии, г-н Спироулоу представил второй доклад (A/CN.4/44), содержащий новый проект кодекса и сводку замечаний, высказанных различными делегациями на пятой сессии Генеральной Ассамблеи по поводу формулировки Комиссией нюрнбергских принципов. Кроме того Комиссия имела в своем распоряжении замечания, которые были получены относительно этой формулировки от правительств (A/CN.4/45 и Corr.1, A/CN.4/45/Add.1 и Add.2). Принимая во внимание все эти замечания, Комиссия рассмотрела вопрос на своих 89-м—92-м, 106-м—111-м, 129-м и 133-м заседаниях и приняла Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который приводится ниже.

58. Представляя этот проект кодекса Генеральной Ассамблеи, Комиссия находит необходимым высказать ниже свои соображения по некоторым общим вопросам, возникшим при разработке текста.

а) Комиссия прежде всего обсудила значение встречающегося в резолюции 177 (II) выражения «преступления против мира и безопасности человечества». По мнению Комиссии выражение это охватывает только те преступления, в которых имеется политический элемент и которые угрожают или препятствуют поддержанию международного мира и безопасности. Поэтому в проекте кодекса не трактуются никаких вопросов, относящихся к коллизиям различных законов и юрисдикционным конфликтам в международных уголовных делах. В нем нет также и постановлений о таких предметах, как пиратство, торговля опасными лекарственными веществами, торговля женщинами и детьми, рабование, подделка денежных знаков, повреждение подводных кабелей и т. д.

б) Комиссия обсудила, затем, значение слов «указать ясно место, которое должно быть отведено» нюрнбергским принципам. Комиссия нашла, что этим словам не следует придавать такого смысла, будто нюрнбергские принципы должны быть полностью включены в проект кодекса. Комиссия полагает, что эти слова не препятствуют ей предложить изменение или развитие этих принципов с целью включения их в проект кодекса. Точно указывать, в какой мере различные нюрнбергские принципы вошли в проект кодекса, было признано ненужным. Целесообразными были признаны только общие ссылки на соответствующие нюрнбергские принципы.

с) Комиссия решила рассматривать только вопрос об уголовной ответственности физических лиц. В этой связи можно напомнить, что в своем решении Нюрнбергский трибунал постановил: «Преступления, нарушающие нормы международного права, совершаются людьми, а не отвлеченными единствами, и приращение положений международного права может быть обеспечено только путем наказания физических лиц, совершающих такие преступления».

д) Комиссия нашла, что в ее задачи не входит предлагать какие-либо методы для придания кодексу обязательной силы. Поэтому она воздержалась от составления какого-либо акта о введении кодекса в действие. Предусматриваемым преступлениям дана в статье 1 характеристика преступлений международных. Таким образом, Комиссия имеет в виду возможность создания международного судебного учреждения для рассмотрения дел и наказания совершающих такие преступления лиц. Комиссия приняла во внимание решение Генеральной Ассамблеи учредить специальный комитет для разработки проекта конвенций и предложений об учреждении международного уголовного суда. До учреждения компетентного международного уголовного суда могут быть осуществлены временные мероприятия, которые обеспечили бы применение кодекса национальными судами. Такие мероприятия будут, несомненно, рассмотрены при разработке акта о введении кодекса в действие.

ТЕКСТ ПРОЕКТА КОДЕКСА

59. Принятый Комиссией проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества гласит следующее:

«Статья 1

Преступления против мира и безопасности человечества, определяемые в настоящем Кодексе, являются международно-правовыми преступлениями, ответственными за которые индивидуумы подлежат наказанию».

В основу этой статьи положен принцип индивидуальной ответственности за международно-правовые преступления. Этот принцип был признан в статуте и решении Нюрнбергского трибунала и выражен в разработанной Комиссией формулировке нюрнбергских принципов в следующей форме: «Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое согласно международному праву преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию».

«Статья 2

Следующие деяния, составляют преступления против мира и безопасности человечества:

1) любой акт агрессии, включая применение властями какого-либо государства вооруженной силы против другого государства с какой бы то ни было целью, кроме национальной или коллективной самообороны или исполнения решения или рекомендации компетентного органа Объединенных Наций;»

Этот пункт, в котором устанавливается, что всякий акт агрессии является преступлением против мира и безопасности человечества, отвечает резолюции 380 (V), принятой Генеральной Ассамблеей 17 ноября 1950 г., где Генеральная Ассамблея торжественно подтвердила, что всякая агрессия «есть тягчайшее из всех преступлений против мира и безопасности во всем мире».

Далее, в этом пункте изложено существо той части пункта а статьи 6 статута Нюрнбергского трибунала, где «преступления

против мира» определяются, кроме прочего, как «развязывание или ведение агрессивной войны...».

Согласно пункту 1 любой акт агрессии есть преступление, но попытки дать полный перечень таких актов не делается. Положительно предусматривается, что применение вооруженной силы при указанных в этом пункте обстоятельствах есть акт агрессии. Возможно, однако, что агрессия может быть совершена и посредством других деяний, включая предусмотренные в других пунктах статьи 2.

Постановления, направленные против применения силы, вошли во многие международные акты, например — в Статут Лиги Наций, Договор 27 августа 1928 г. о запрещении войны, Антивоенный пакт о ненападении и согласительной процедуре, подписанный в Рио де Жанейро 10 октября 1933 г., Чапултепекский акт 8 марта 1945 г., Пакт Лиги арабских стран 22 марта 1945 г., Межамериканский договор 2 сентября 1947 г. о взаимной помощи и Устав Организации американских государств, подписанный в Боготе 30 апреля 1948 года.

Применение силы запрещается пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, согласно которому все члены Организации обязаны воздерживаться «в их международных отношениях от... ее [силы] применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместным с целями Объединенных Наций». Такое же запрещение содержится в разработанном Комиссией международного права Проекте декларации прав и обязанностей государств, согласно статье 9 которого «Каждое государство обязано воздерживаться от использования войны в качестве орудия национальной политики и воздерживаться от... применения ее [силы] против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместным с международным правом и порядком».

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«2) любая угроза властей какого-либо государства прибегнуть к акту агрессии против другого государства;»

В основе этого пункта лежит то соображение, что не только акт агрессии, но и угроза агрессии представляет серьезную опасность для мира и безопасности человечества и должна рассматриваться как международное преступление.

Пункт 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций постановляет, что все члены Организации «воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой... как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместным с целями Объединенных Наций». В разработанном Комиссией международного права Проекте декларации прав и обязанностей государств статья 9 гласит, точно так же, что «Каждое государство обязано воздерживаться... от угрозы силой... против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместным с международным правом и порядком».

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«3) подготовка властями какого-либо государства применения вооруженной силы против другого государства с какой бы то ни было целью, кроме национальной или коллективной самообороны или исполнения решения или рекомендации компетентного органа Объединенных Наций;»

В этом пункте, которым запрещается подготовка применения вооруженной силы (кроме некоторых, указанных в ней случаев), изложено существо той части пункта а статьи 6 статута Нюрнбергского трибунала, где «преступления против мира» определяются, кроме прочего, как «планирование» и «подготовка... агрессивной войны». Термин «подготовка», в том смысле, который ему придан в этом пункте, охватывает «планирование». «Планирование» признается наказуемым только если имеет

своим результатом подготовку и, таким образом, становится элементом подготовки применения вооруженной силы.

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«4) вторжение на территорию какого-либо государства с территории другого государства вооруженных шаек, действующих с политическими целями;»

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только участниками вооруженных шаек, и они несут индивидуальную ответственность. Однако международно-правовая уголовная ответственность властей государства может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«5) ведение или поощрение властями какого-либо государства деятельности, рассчитанной на возбуждение междоусобиц в другом государстве, или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на возбуждение междоусобиц в другом государстве;»

В своей резолюции 380 (V) от 17 ноября 1950 г. Генеральная Ассамблея указала, что «возбуждение гражданской войны в интересах других держав» составляет агрессию.

В статье 4 разработанного Комиссией международного права Проекта декларации прав и обязанностей государства предусматривается, что «Каждое государство обязано воздерживаться от разжигания междоусобицы на территории другого государства и предупреждать на своей территории организованную деятельность, направленную к разжиганию такой междоусобицы».

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«6) ведение или поощрение властями какого-либо государства террористической деятельности в другом государстве или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов в другом государстве;»

Запрещение поощрения одним государством террористической деятельности, направленной против другого, имеется в статье 1 Конвенции 16 ноября 1937 г. о предупреждении и наказании терроризма.

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«7) действия властей какого-либо государства, нарушающие обязательства, основанные на каком-либо международном договоре, целью которого является обеспечение международного мира и безопасности посредством сокращения или ограничения вооружений, военной подготовки, укреплений и других ограничительных подобного характера;»

Можно напомнить, что Комитет Лиги Наций по арбитражу и безопасности во многих случаях усматривал в несоблюдении таких договорных ограничений, как упомянутые в этом пункте, презумпцию агрессии (*Memorandum on Articles 10, 11 and 16 of the Covenant, submitted by Mr. Rutgers, League of Nations document C.A.S.10, February 6th, 1928*).

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«8) действия властей какого-либо государства, результатом которых является противоречащая международному праву аннексия территории, принадлежащей другому государству, или территории, подчиненной международному режиму;»

Аннексия территории в нарушение международного права есть отдельное преступление, ибо создает особенно длительную угрозу миру и безопасности человечества. Статья 10 Статута Лиги Наций гласила: «члены Лиги Наций обязуются уважать и охранять против внешней агрессии территориальную неприкосновенность и существующую политическую независимость всех членов Лиги». Согласно пункту 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения ...против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства...». Противоправная аннексия может быть совершена и без открытой угрозы или применения силы или одним или несколькими актами, определяемыми в других пунктах этой статьи. Поэтому аннексия, предусматриваемая в данном пункте, не ограничена осуществляемой при помощи угрозы или применения силы.

Словами «территории, подчиненной международному режиму» обозначается любая территория, на которую распространяется международная система опеки Организации Объединенных Наций, а также любая территория, для которой установлена какая-либо другая форма международного режима.

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено только властями какого-либо государства. Однако международно-правовая уголовная ответственность частных лиц может иметь место на основании пункта 12 этой статьи.

«9) действия властей какого-либо государства или частных лиц, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую, включая:

- i) убийства членов такой группы;
- ii) причинение тяжких телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- iii) предумышленное создание для такой группы жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- iv) принятие мер, рассчитанных на предупреждение деторождения в среде такой группы;
- v) насильственная передача детей из такой группы в другую группу».

В тексте этого пункта принято определение преступления геноцида, даваемое в статье II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено как властями какого-либо государства, так и частными лицами.

«10) бесчеловечные акты властей какого-либо государства или частных лиц в отношении любого гражданского населения, как-то убийства, истребление, порабощение, высылки или преследования по политическим, расовым, религиозным или «культурным» мотивам, если такие акты совершаются при выполнении других преступлений, определяемых в настоящей статье, или в связи с таковыми;»

Этот пункт соответствует, по существу, пункту с статьи 6 статута Нюрнбергского трибунала, где определяются «преступления против человечности». Было, однако, признано необходимым включить также и запрещение бесчеловечных актов по «культурным» мотивам, ибо подобные акты причиняют миру и безопасности человечества не меньший вред, чем те, что предусмотрены в упомянутом статуте. Имеется и другое отступление от нюрнбергского постановления. Тогда как согласно статуту Нюрнбергского трибунала любой бесчеловечный акт является международно-правовым преступлением, только если он совершается при выполнении какого-либо преступления против мира или военного преступления, как они определены в этом статуте, или в связи с таковыми, согласно данному пункту бесчеловечные акты признаются международно-правовыми преступлениями, если совершаются при выполнении других преступлений, определяемых в этой статье, или в связи с таковыми.

Определяемые в этом пункте преступления могут быть совершены как властями какого-либо государства, так и частными лицами.

«11) действия, нарушающие законы или обычаи войны;»

Этот пункт соответствует пункту *b* статьи 6 статута Нюрнбергского трибунала. В отличие от последнего в нем не дается перечня действий, составляющих нарушения законов или обычаев войны, ибо разработка полного перечня была признана неосуществимой.

Был рассмотрен вопрос, следует ли признавать по кодексу преступлением любое нарушение законов или обычаев войны или же считать преступлениями только особенно тяжкие деяния. Было принято первое решение.

Этот пункт применим ко всем случаям объявленной войны или любых других вооруженных конфликтов между двумя или более государствами, даже если ни одно из них не признает наличия состояния войны.

Просветительная, научная и культурная организация Объединенных Наций настаивала на том, что следует признать наказуемым согласно международному праву бессмысленное разрушение во время вооруженных конфликтов исторических памятников, исторических документов, произведений искусства и любых других предметов культуры (письмо Генерального директора ЮНЕСКО от 17 марта 1950 г. на имя Комиссии международного права с препровождением «Доклада о международной уголовно-правовой охране предметов культуры в случаях вооруженных конфликтов», документ 5C/PRG/6 Annex I/-UNESCO/MUS/Conf.1/20 (rev.), 8 March 1950). Подобные разрушения следует считать подпадающими под постановления данного пункта. Далее, они в известной мере запрещены статьями 36 правил, приложенных к 4-й Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях войны на суше, и статьями 5 9-й Гаагской конвенции 1907 года о бомбардировке морскими силами в военное время.

Определяемое в этом пункте преступление может быть совершено как властями какого-либо государства, так и частными лицами.

«12) действия, составляющие

i) заговор, направленный на совершение какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах настоящей статьи, или

ii) прямое подстрекательство к совершению какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах настоящей статьи, или

iii) покушение на совершение какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах настоящей статьи, или

iv) соучастие в совершении какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах настоящей статьи».

Понятие заговора вошло в пункт *a* статьи 6 статута Нюрнбергского трибунала, а понятие соучастия — в последний пункт той же статьи. Понятие заговора в статуте Нюрнбергского трибунала ограничено «планированием, подготовкой, развязыванием или ведением агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений», тогда как в данном пункте оно отнесено ко всем преступлениям против мира и безопасности человечества.

Понятия подстрекательства и покушения вошли в Конвенцию о геноциде и в некоторые внутренние законы о военных преступлениях.

Включением «соучастия в совершении какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах», в число актов, являющихся преступлениями против мира и безопасности человечества, не имелось в виду указать, что все, кто содействует, при нормальном выполнении своих обязанностей, совершению преступлений против мира и безопасности челове-

чества, могут на этом только основании рассматриваться как соучастники этих преступлений. Не может быть и речи о наказании, в качестве соучастников в таких преступлениях, всех военнослужащих какого-либо государства или лиц, занятых в военной промышленности.

«Статья 3

То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности за совершение какого-либо из преступлений, определяемых в настоящем кодексе».

В эту статью вошла, с изменениями, статья 7 статута Нюрнбергского трибунала, которая гласила: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

Принцип III в разработанной Комиссией формулировке нюрнбергских принципов гласит: «То обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое согласно международному праву преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву».

Последние слова статьи 7 нюрнбергского статута — «или смягчению наказания» — не были включены в формулировку приведенного выше принципа, ибо было признано, что вопрос о смягчении наказания должен разрешаться компетентным судом.

«Статья 4

То обстоятельство, что какое-либо лицо, обвиняемое в совершении какого-либо преступления, определяемого в настоящем кодексе, действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности, если сознательный выбор был фактически для него возможен».

Принцип IV в разработанной Комиссией формулировке нюрнбергских принципов, в основу которого положено толкование, данное Нюрнбергским трибуналом статье 8 своего статута, гласит: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен».

Замечания, сделанные по поводу принципа IV на пятой сессии Генеральной Ассамблеи, были тщательно изучены. Никаких существенных изменений при редактировании этой статьи, основанной на ясных указаниях Нюрнбергского трибунала, внесено, однако, не было. Статья эта устанавливает принцип, что обвиняемый отвечает только в том случае, если, при данных обстоятельствах, он мог поступить вопреки приказу начальства.

«Статья 5

Наказание за любое преступление, определяемое в настоящем кодексе, устанавливает суд, которому подсуден обвиняемый индивидум, принимая во внимание тяжесть данного преступления».

Эта статья содержит постановление о наказании за преступления, определяемые в кодексе. Включение такого постановления было признано желательным ввиду общепризнанного принципа *nulla poena sine lege*. Однако, так как было найдено нецелесообразным указывать определенное наказание за каждое преступление, установление наказания, с учетом тяжести совершенного преступления, было оставлено на попечение компетентного суда.

ПЕРЕСМОТР ПОЛОЖЕНИЯ О КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

60. Резолюцией 484 (V), принятой 12 декабря 1950 года, Генеральная Ассамблея,

«придавая огромное значение тому, чтобы работа Комиссии международного права выполнялась в условиях, лучше всего обеспечивающих ей возможность скорых и положительных результатов,

учитывая, что были высказаны сомнения в том, что такие условия существуют в настоящее время,

предлагает Комиссии международного права пересмотреть Положение о Комиссии, имея в виду представление Генеральной Ассамблеи на ее шестой сессии рекомендаций относительно изменений, внесение которых в это Положение было бы, в свете опыта, желательно для облегчения работы Комиссии».

Во исполнение этого предложения Комиссия международного права посвятила свои 83-е, 96-е, 97-е, 112-е, 113-е, 129-е и 133-е заседания пересмотру Положения о Комиссии международного права.

61. В порядке введения, можно указать, что члены

Комиссии вполне разделяют мнение, что работа ее должна выполняться «в условиях, лучше всего обеспечивающих ей возможность скорых и положительных результатов». Комиссия едва ли должна подчеркивать, что по некоторым относящимся к ее компетенции вопросам, а в особенности по некоторым избранным для кодификации отраслям права, достижение быстрых и положительных результатов может оказаться чрезвычайно затруднительным. Эти вопросы требуют обширных исследований практики государств; соответствующие материалы должны быть тщательно взвешены и оценены; необходимо обсудить последовательный ряд проектов, которые следует продумать не спеша. Ускорение работы Комиссии — постоянная забота ее членов. Однако, надеясь на «скорые результаты», следует учитывать масштабы задачи удовлетворительного развития или кодификации международного права.

62. Вполне понятно, что результаты работы Комиссии за истекшие три года возбудили «сомнения в том, что такие условия существуют» — условия, «лучше всего обеспечивающие ей возможность скорых и положительных результатов» по прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Полезно, может быть, кратко описать те условия, которые «существуют в настоящее время».

63. Все без исключения члены Комиссии, которые были избраны в 1948 году, заняты работой по своей специальности. Некоторые, вернее — большинство, занимают постоянные должности на правительственной службе в своих странах; другие — состоят профессорами международного права в университетах; третьи — занимаются частной юридической практикой. Положение о Комиссии не требует, чтобы

ее члены прекратили занятие другими делами, а статья 13, как в первоначальной, так и в измененной редакции, в сущности исключает подобную возможность.

64. В течение истекших трех лет Комиссия собиралась на одну сессию в каждом году. В Положении нет ограничения числа сессий, которые могут созываться в течение года. Однако, более частые сессии потребовали бы увеличения бюджета, а для некоторых членов Комиссии было бы трудно прерывать выполнение других своих обязанностей. По этой последней причине Комиссия вынуждена была назначать свои сессии поздней весной или в первые летние месяцы. Сессия 1949 года продолжалась с 12 апреля по 9 июня, 1950 года — с 5 июня по 29 июля, а 1951 года — с 16 мая по 27 июля, причем средняя продолжительность этих сессий была девять недель. Таким образом, члены Комиссии, присутствовавшие на сессиях, посвящали работе в Комиссии ежегодно около трех месяцев, включая время на переезды.

65. В перерывах между сессиями некоторые из ее членов выполняли обязанности докладчиков и должны были отдавать значительную часть своего времени работе для Комиссии, получая за это скромное вознаграждение. В некоторых случаях количество времени, которое такие члены Комиссии в состоянии уделить работе для Комиссии, может оказаться настолько ограниченным, что область их изысканий по необходимости суживается.

66. На каждой из своих трех сессий Комиссия посвящала значительную часть своего времени — фактически больше половины — выполнению специальных заданий Генеральной Ассамблеи, причем Ассамблея требовала, чтобы Комиссия давала некоторым из этих заданий приоритет. Комиссия прилагает все усилия к тому, чтобы выполнять все эти задания своевременно. Эта исправность может, до известной степени, замедлять работу Комиссии над теми отраслями права, которые избраны, с одобрения Генеральной Ассамблеи, для кодификации.

67. На основании опыта всей своей работы Комиссия рекомендовала Генеральной Ассамблее в интересах «облегчения работы Комиссии», чтобы члены ее, которые должны быть избраны в 1953 году, были поставлены в такое положение, которое дало бы им возможность посвящать работе Комиссии все свое время, и чтобы Положение о Комиссии было изменено, и в нем, так же как в пункте 1 статьи 16 Статута Международного Суда, было предусмотрено, что никто из членов Комиссии не может исполнять никаких политических или административных обязанностей и не может посвящать себя никаким другим занятиям профессионального характера. По мнению

большинства членов Комиссии принятие этой рекомендации обеспечило бы лучшую возможность облегчения и ускорения работы Комиссии.

68. Комиссия дает себе отчет в том, что, помимо увеличения расходов, принятие этой рекомендации может вызвать некоторые затруднения при подборе членов Комиссии. Можно думать, что состав Комиссии было бы легче сформировать, если бы был установлен более длительный срок пребывания в должности — может быть срок шестилетний или девятилетний. Согласно статье 10 Положения члены Комиссии избираются на трехлетний срок, но Генеральная Ассамблея резолюцией 486 (V) от 12 декабря 1950 г. продлила срок полномочий теперешних членов Комиссии на два года. По тем же соображениям можно обсудить изменение постановления статьи 12 теперешнего Положения, согласно которой, если, по консультации с Генеральным Секретарем, не будет принято иного решения, «Комиссия располагается в месте пребывания Организации Объединенных Наций». Большинство теперешних членов Комиссии предпочитает Женеvu Нью-Йорку.

69. Принимая во внимание, что внесенное в 1947 году Комитетом по прогрессивному развитию международного права и его кодификации²⁰ предложение о создании комиссии, члены которой работали бы полное время, принято не было, Комиссия очень тщательно обсудила возможность представления Генеральной Ассамблее какого-либо альтернативного предложения об установлении принципа, согласно которому члены ее посвящали бы ее работе все свое время и, таким образом, ее работа могла бы быть ускорена. Подобная альтернатива была указана в 1950 году делегацией Соединенного Королевства в Шестом комитете, когда она внесла предложение о том, чтобы некоторые члены Комиссии избирались для работы полное время. Комиссия не может поддержать это альтернативное предложение. Оно вызывает возражения как потому, что создало бы индивидуальные различия между членами Комиссии, так и потому, что вызвало бы непреодолимые затруднения при назначении кандидатов при выборах членов Комиссии. Вряд ли какой-либо кандидат может изъявить готовность работать в Комиссии в случае его избрания, если он заранее не будет знать, будет ли он помещен в категорию тех членов Комиссии, которые должны посвящать ей все свое время, или в категорию тех, кто будет уделять ей только часть своего рабочего времени. Кроме того, предложенная

альтернатива могла бы вызвать затруднения при применении постановления статьи 8 Положения, согласно которой «весь состав Комиссии в целом должен обеспечивать представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира». Никаких других альтернатив, которые Комиссия нашла бы возможным представить Генеральной Ассамблее, также найдено не было.

70. Рекомендация о придании Комиссии такого характера, чтобы члены ее работали полное время, представляется в данный момент Генеральной Ассамблее только в общей форме. Если эта рекомендация встретит принципиальное одобрение Генеральной Ассамблеи, Комиссия составит, если ей будет это поручено, проект соответствующих изменений, которые могли бы быть внесены в Положение о Комиссии. Имея это в виду, Комиссия назначила г-на Кордова специальным докладчиком по этому вопросу, поручив ему представить доклад на ее следующей сессии. Так как эти изменения не вступят в силу во время пребывания в должности теперешних членов Комиссии, срок полномочий которых истекает в 1953 году, проект этих изменений может быть выработан Комиссией и рассмотрен Генеральной Ассамблеей в 1952 году, чтобы, таким образом, эти изменения могли применяться к членам Комиссии, которые должны быть избраны в 1953 году.

71. Помимо рекомендации об установлении к следующим выборам правила, согласно которому члены Комиссии работали бы полное время, Комиссия рассмотрела теперешнее Положение о Комиссии также и имея в виду разъяснение некоторых из постановлений этого Положения и придание большей гибкости установленному порядку. Как известно, на первой сессии Комиссии в 1949 году возникли некоторые разногласия по поводу надлежащего толкования пункта 2 статьи 18 Положения. На это было указано в пунктах 9-12 доклада Комиссии о работе ее первой сессии²¹. В общем, однако, Комиссия не может утверждать, что отсутствие ясности в постановлениях ее Положения или отсутствие гибкости в установленном порядке препятствовали достижению «скорох и положительных результатов». Поэтому Комиссия в данное время воздерживается представлять какие-либо подробные предложения о желательных изменениях. Это лучше сделать после того, как Комиссия узнает об отношении Генеральной Ассамблеи к основной рекомендации о работе членов Комиссии полное время.

²⁰ A/АС.10/51, пункт 5d.

²¹ A/925, Официальные отчеты четвертой сессии Генеральной Ассамблеи, Дополнение № 10.

Глава VI

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

72. На своей первой сессии в 1949 году Комиссия включила международные договоры в число тех отраслей международного права, которые были избраны для кодификации, и дала этой отрасли приоритет. Она избрала Джеймса Л. Брайерли специальным докладчиком по этому предмету. Кроме того, во исполнение пункта 2 статьи 19 своего Положения, Комиссия обратилась к правительствам с просьбой представить ей тексты законов, декретов, судебных решений, международных договоров, дипломатической переписки и других документов, имеющих отношение к данному вопросу.

73. В 1950 году, на второй сессии, г-н Брайерли представил Комиссии доклад о международных договорах (A/CN.4/23), в котором был предложен проект конвенции по этому вопросу. Далее, Комиссия получила от некоторых правительств ответы по своему вопроснику и приняла эти ответы во внимание. Состоялось предварительное обсуждение в Комиссии некоторых частей этого доклада, и Комиссия высказала некоторые предварительные соображения по ним для руководства специальному докладчику.

74. На третьей сессии Комиссии г-н Брайерли представил второй доклад о международных договорах (A/CN.4/43). В этом докладе специальный докладчик предложил проекты некоторых статей, для замены некоторых статей, которые были им предложены в проекте конвенции, содержащемся в его докладе предшествующей сессии, и комментарии.

75. На восьми заседаниях (а именно, 84-м—88-м и 98-м—100-м заседаниях) Комиссия рассмотрела эти проекты статей, а также некоторые другие, содержащиеся в первом докладе специального докладчика. Были внесены различные поправки и приняты предварительные тексты (A/CN.4/L.28). Эти тексты были переданы специальному докладчику, которому было предложено представить Комиссии, на ее четвертой сессии, окончательный проект с соответствующими комментариями. Кроме того, специальному докладчику было предложено проинформировать дальнейшую работу по вопросу о международных договорах в целом и представить о ней Комиссии доклад.

Глава VII

РЕЖИМ ОТКРЫТОГО МОРЯ

76. На своей первой сессии, состоявшейся в 1949 году, Комиссия включила в предварительный список отраслей права, избранных для кодификации, режим открытого моря. Постановив дать этой отрасли права, вместе с другими, приоритет, Комиссия избрала г-на Франсуа специальным докладчиком по данному вопросу.

77. Первый доклад г-на Франсуа по этому вопросу (A/CN.4/17) был рассмотрен на второй сессии Комиссии в 1950 году. Кроме того, Комиссия имела в своем распоряжении ответы правительств по разосланному ею вопроснику (A/CN.4/19, часть I, C). Специальному докладчику было поручено формулировать конкретные предложения по различным вопросам, относящимся к режиму открытого моря. На третьей сессии г-н Франсуа представил второй доклад, который был посвящен этим вопросам (A/CN.4/42). Комиссия рассмотрела этот доклад на своих 113-м—125-м и 130-м—134-м заседаниях.

78. Прежде всего Комиссия рассмотрела те главы доклада, которые были посвящены шельфам (материковым выступам) и различным вопросам, имеющим к ним отношение, а именно — вопросам об охране морских богатств, о стационарных рыболовных промыслах и о прилежащих зонах. Она постановила распространить свои проекты в соответствии с пунктом *g* статьи 16 своего Положения и, в частности, препроводить эти проекты правительствам, чтобы последние могли представить свои отзывы согласно пункту *h* той же статьи. Тексты этих проектов, в форме статей, и комментарии к ним приводятся в приложении к настоящему докладу²².

79. По вопросу о национальности судов Комиссия приняла принцип, который был положен в основу заключений специального докладчика, а именно, что государства не вправе по одному только своему усмотрению устанавливать условия, определяющие на-

циональность судов, но должны соблюдать известные относящиеся к этому вопросу общие нормы международного права. Состоялось первое чтение в Комиссии тех конкретных постановлений, которые были предложены докладчиком.

80. Что касается уголовной подсудности по делам о столкновениях судов в открытом море, то Комиссия нашла, что желательно установить какое-то правило, которое регулировало бы этот вопрос, ибо нужда в таком правиле стала очевидной.

81. Приняв предложение докладчика о включении в кодификацию права открытого моря правил, относящихся к безопасности человеческой жизни на море, Комиссия поручила специальному докладчику продолжить свои исследования.

82. Комиссия рассмотрела вопрос о праве военных кораблей на «приближение» к иностранным торговым судам в открытом море. По мнению специального докладчика право приближения может признаваться только в тех случаях, когда военный корабль имеет серьезные основания предполагать, что иностранное торговое судно занимается пиратством, или когда вмешательство основано на правах, предусмотренных международным договором. Общие договоры о работоторговле предусматривают право приближения только в специальных зонах и в отношении судов ниже определенного тоннажа. Комиссия полагает, что в интересах пресечения работоторговли право приближения должно здесь быть поставлено на те же основания, что и в отношении пиратства, и, потому, должно признаваться независимо от зоны или тоннажа.

83. После рассмотрения главы доклада, посвященной подводным телеграфным кабелям, Комиссия просила специального докладчика разработать этот вопрос в общей форме, не входя в подробности.

84. По вопросу о непрерывном преследовании Комиссия приняла, при первом чтении, заключение, предложенное специальным докладчиком, о выполнении правил, выработанных Кодификационной конференцией, состоявшейся в 1930 году в Гааге.

²² Г-н Сель заявил, что воздержался от участия в голосовании по статьям о шельфах и относящихся к ним вопросам, ибо возражает против определения понятия шельфа, которое противоречит свободе открытого моря.

Глава VIII

ДРУГИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИССИИ

НАЧАЛО РАБОТЫ ПО ОТРАСЛЯМ ПРАВА, ИЗБРАННЫМ ДЛЯ КОДИФИКАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНО

85. Комиссия постановила приступить к работе над вопросом о «гражданстве, включая бесподданство», который был избран ею для кодификации на ее первой сессии. Специальным докладчиком по этому вопросу был назначен г-н Гудсон. Напомним, в связи с этим, что в ответ на просьбу Экономического и Социального Совета, которая была изложена в его резолюции 304 D (XI) от 17 июля 1950 г., Комиссия на своей второй сессии постановила изучить вопрос о гражданстве замужней женщины в связи с работой по вопросу о «гражданстве, включая бесподданство»²³. На своей третьей сессии Комиссия ознакомилась с резолюцией 319 В III (XI) Экономического и Социального Совета от 11 августа 1950 г., рекомендующей комиссии «выработать в возможно короткий срок надлежащий проект международной конвенции или конвенций для ликвидации бесподданства». Этот предмет входит в рамки вопроса о «гражданстве, включая бесподданство».

86. Далее, Комиссия постановила приступить к работе над «режимом территориальных вод», — отраслью права, которая была на первой сессии избрана ею для кодификации и которой она, на своей второй сессии, дала приоритет в соответствии с рекомендацией Генеральной Ассамблеи, изложенной в резолюции 374 (IV) от 6 декабря 1949 года. Специальным докладчиком по этому вопросу был назначен г-н Франсуа.

87. К Секретариату была обращена просьба оказать содействие специальным докладчикам в их подготовительной работе по упомянутым выше вопросам.

ПРОДЛЕНИЕ СРОКА ПОЛНОМОЧИЙ ТЕПЕРЕШНИХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ

88. Комиссия приняла к сведению резолюцию 486- (V) Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1950 г. о продлении срока полномочий теперешних членов Комиссии на два года и увеличении, таким образом, всего срока до пяти лет, считая с их избрания в 1948 году.

²³ А/1316, Официальные отчеты пятой сессии Генеральной Ассамблеи, Дополнение № 12, пункт 20.

РАЗРАБОТКА ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ПРОГРАММЫ ДОСТИЖЕНИЯ МИРА ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

89. Комиссия приняла к сведению резолюцию 494- (V) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1950 г. и во исполнение пункта 2 этой резолюции обсудила пункт 10 «Меморандума о вопросах для рассмотрения при разработке двадцатилетней программы достижения мира через Организацию Объединенных Наций»²⁴, представленного Генеральным Секретарем. Как можно усмотреть из настоящего и предшествующих докладов Генеральной Ассамблеи, Комиссия делает все возможное для ускорения своей работы по прогрессивному развитию и кодификации международного права.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ

90. Комиссия вновь рассмотрела вопрос о сотрудничестве с другими органами согласно статьям 25 и 26 Положения о Комиссии. Она испытывает глубокое удовлетворение по поводу проявленной многими международными и национальными организациями, которые специально занимаются вопросами международного права, готовности сотрудничать с Комиссией в ее работе. Фактически такое сотрудничество уже принесло Комиссии большую пользу. Доклады и исследования, предоставленные Комиссии многими такими организациями, оказались очень ценными для работы Комиссии — в особенности для ее работы по вопросу о режиме открытого моря. Теперь совершенно очевидно, что в будущем Комиссии придется еще в большей мере опираться на вклады неправительственных групп.

ВРЕМЯ И МЕСТО ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИИ

91. Комиссия постановила назначить свою четвертую сессию в Женеве (Швейцария). Эта сессия, которая будет продолжаться приблизительно десять недель, начнется около 1 июня 1952 г., причем установление точной даты ее открытия предоставляется усмотрению председателя Комиссии в консультации с Генеральным Секретарем.

²⁴ А/1304.

Приложение

ПРОЕКТ СТАТЕЙ О ПОДВОДНЫХ МАТЕРИКОВЫХ ВЫСТУПАХ И СТАТЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СМЕЖНЫМ ВОПРОСАМ

Часть I. Подводные материковые выступы

Статья 1

Как оно здесь понимается, выражение «подводный материковый выступ» обозначает поверхность и недра морского дна тех подводных районов, прилежащих к берегу, но находящихся вне районов территориальных вод, где глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств поверхности и недр морского дна.

1. В этой статье разъясняется, какое значение придается здесь выражению «подводный материковый выступ». Это значение не совпадает с геологическим смыслом выражения «подводный материковый выступ» («шельф»). То обстоятельство, что разные ученые понимают это выражение различно, само по себе препятствует принятию геологического понятия за основу правового регулирования данной проблемы.

2. В своем решении не принимать геологического понятия подводного материкового выступа (шельфа), Комиссия руководствовалась еще и другим соображением. В отношении некоторых подводных районов, где глубина моря позволяет такую же разработку недр, как и в подводных материковых выступах, можно отрицать наличие подводных материковых выступов (шельфов) в геологическом смысле, но одно это обстоятельство не может служить основанием для применения к таким «мелководным районам» какой-либо особой системы правовых норм.

3. Комиссия обсуждала вопрос — следует ли ей пользоваться выражением «подводный материковый выступ» или, в согласии с мнением, высказываемым в некоторых научных трудах, лучше называть соответствующие районы просто «подводными районами». Было решено удержать выражение «подводный материковый выступ», ибо этим выражением пользуются теперь постоянно, а наименование «подводные районы» не давало бы, само по себе, никаких указаний на природу тех именно подводных районов, о которых в данном случае идет речь.

4. Слово «материковый» в составе выражения «подводный материковый выступ» является здесь указанием не только на материк. Оно может относиться и к острову, если к нему прилежит соответствующий район.

5. Что касается границ подводных материковых выступов, то Комиссия обращает внимание на указание таких границ, которое имеется в следующих словах в статье 1: «..., где глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств поверхности и недр морского дна». Отсюда следует, что те районы, в которых разработка технически невозможна вследствие глубины вод, не входят в подводные материковые выступы, о которых здесь идет речь.

6. Комиссия обсуждала возможность установления для подводных материковых выступов точного предела, определяемого глубиной покрывающих вод. Практическим соображениям в настоящее время отвечало бы, очевидно, установление такого предела в том пункте, где глубина покрывающих вод достигает 200 метров. Эта глубина совпадает с той, на которой, как общее правило, заканчиваются подводные материковые выступы (шельфы) в геологическом смысле и начинается материковый скат, круто спускающийся на большие глубины. Комиссия находит, однако, что подобный предел не мог бы быть устойчивым. Технический прогресс может в ближайшем будущем обеспечить возможность разработки богатств морского дна на глубине и более 200 метров. Кроме того, подводный материковый выступ может включать подводные районы, лежащие на глубине более 200 метров, в которых, однако, возможна разработка с помощью сооружений, возводимых в соседних

районах, где глубина не превышает этого предела. Поэтому Комиссия решила в статье 1 не указывать предельной глубины в 200 метров. Комиссия обращает внимание на то, что не имеется в виду как-либо ограничивать разработку недр морского дна при помощи туннелей, проводимых с берега.

7. Комиссия обсуждала возможность установить минимум и максимум расстояния от берега как пределы подводного материкового выступа. Она не усмотрела в этом никакой практической необходимости и предпочла ограничиться указанием только тех пределов, которые упомянуты в статье 1.

8. Было учтено, что заявлялись притязания на пространство до 200 миль. Однако, как общее правило, глубина вод на этом расстоянии от берега исключает возможность разработки естественных богатств недр. По мнению Комиссии, вопросы о рыболовных промыслах и об охране морских богатств должны трактоваться отдельно от вопроса о подводных материковых выступах (см. ниже — часть II).

9. Подводные материковые выступы, о которых идет речь в этой статье, ограничиваются подводными районами, лежащими вне территориальных вод. На подводные районы территориальных вод, равно как и на самые покрывающие эти районы воды, распространяется суверенитет прибрежного государства.

10. В тексте этой статьи подчеркивается, что подводный материковый выступ включает только поверхность и недра морского дна, но не покрывающие таковое воды (см. статью 3).

Статья 2

Над подводным материковым выступом осуществлят контроль и юрисдикцию прибрежное государство в целях разведки и разработки его естественных богатств.

1. В основу этой статьи Комиссией положена та идея, что прибрежное государство может осуществлять контроль и юрисдикцию над подводным материковым выступом, при условии, что эти контроль и юрисдикция осуществляются только в определенных целях. Настоящая статья исключает контроль и юрисдикцию, не связанные с разведкой и разработкой естественных богатств поверхности и недр морского дна.

2. В некоторых кругах существует мнение, что право на разработку естественных богатств подводных районов должно быть предоставлено не прибрежным государствам, а органам международного общения вообще. При теперешних обстоятельствах, однако, на пути к подобной интернационализации встретились бы непреодолимые практические затруднения, и она не обеспечила бы той эффективной разработки естественных богатств, которая необходима для удовлетворения нужд человечества. Подводные материковые выступы имеются во многих местах на земном шаре. Разработка их должна осуществляться в самых различных условиях и в настоящее время, очевидно, целесообразно поручать производство такой разработки международным учреждениям.

3. Комиссия учитывает, что разведка и разработка поверхности и недр морского дна, связанные с осуществлением контроля и юрисдикции прибрежными государствами, могут, в известной ограниченной степени, отразиться на свободе морей и, особенно, поскольку речь идет о судоходстве. Разведка и разработка допускаются потому, что они отвечают нуждам международного общения. Тем не менее совершенно очевидно, что интересы судоходства должны быть ограждены, и, имея в виду именно это, Комиссия формулировала статью 6.

4. Не имело бы никакого смысла утверждение, будто поверхность и недра морского дна в тех подводных районах, о которых здесь идет речь, являются бесхозяйными вещами

(*res nullius*) и могут быть приобретены первым, кто ими владеет. Результатом применения подобной концепции может быть полный хаос. Она игнорирует то обстоятельство, что в большинстве случаев эффективная разработка естественных богатств зависит от наличия известных сооружений на территории того прибрежного государства, к которому прилегают соответствующие подводные районы.

5. Осуществление права контроля и юрисдикции не имеет отношения к концепции завладения (оккупации). Фактическое завладение подводными районами, о которых идет речь, практически невозможно. Недопустима и фикция завладения естественными богатствами. Предусматриваемое в статье 2 право прибрежного государства не зависит, также ни от какого формального утверждения за собой этого права таким государством.

6. Комиссия не делала попытки найти основание в обычном праве для правомочия прибрежного государства осуществлять контроль и юрисдикцию в ограниченных целях, указанных в статье 2. Хотя за последнее десятилетие и было издано много прокламаций, едва ли можно утверждать, что подобными односторонними актами уже установлено новое обычное право. Достаточно указать на то, что принцип подводных материковых выступов основан на общих принципах права, отвечающих современным потребностям международного общения.

7. В статье 2 избегается какое-либо упоминание о «суверенитете» прибрежного государства над подводными районами материковых выступов. Поскольку прибрежное государство может осуществлять контроль и юрисдикцию исключительно в целях разведки и разработки, соответствующие права не могут быть поставлены на одну плоскость с той общей властью, которая осуществляется государством на своей территории и в своих территориальных водах.

Статья 3

Осуществление прибрежным государством контроля и юрисдикции над подводным материковым выступом не затрагивает правового статуса покрывающих вод как открытого моря.

Статья 4

Осуществление прибрежным государством контроля и юрисдикции над подводным материковым выступом не затрагивает правового статуса воздушного пространства над покрывающими водами.

Цель статей 3 и 4 — ясно указать, что контроль и юрисдикция, которые могут осуществляться над подводным материковым выступом в ограниченных целях, указанных в статье 2, не распространяются на покрывающие воды и воздушное пространство над ними. Хотя некоторые государства связывают контроль над рыболовными промыслами и над охраной морских богатств со своими притязаниями на подводные материковые выступы, Комиссия полагает, что эти вопросы должны рассматриваться независимо друг от друга (см. ниже — часть II).

Статья 5

Несмотря на право прибрежного государства принимать надлежащие меры для разведки подводного материкового выступа и разработки его естественных богатств, осуществление таким прибрежным государством контроля и юрисдикции над подводным материковым выступом не может исключать прокладку и поддержание подводных кабелей.

1. Следует признать, что прибрежное государство, осуществляя контроль и юрисдикцию на основании статьи 2, может принимать меры, должным образом связанные с разведкой и разработкой недр, но не может исключать прокладку подводных кабелей негражданами.

2. Комиссия обсуждала вопрос — следует ли распространить это постановление на трубопроводы. Если бы какое-либо государство пожелало проложить трубопроводы на подводном материковом выступе другого государства, то вопрос осложнился бы тем обстоятельством, что в некоторых пунктах пришлось бы установить насосные станции, а последние могут в большей

мере препятствовать разработке недр, чем кабели. Ввиду того, что в настоящее время этот вопрос очевидно не имеет никакого практического значения и нет никакой уверенности в том, что он вообще когда-либо возникнет, было признано ненужным включать специальное постановление по этому вопросу.

Статья 6

1) Разведка подводного материкового выступа и разработка его естественных богатств не должны создавать существенной помехи судоходству и рыболовству. Соответствующее оповещение должно даваться о любых возведенных сооружениях и соответствующие знаки, указывающие местонахождение таких сооружений, должны поддерживаться.

2) Такие сооружения не имеют статуса островов для целей делимитации территориальных вод, но на надлежащем расстоянии вокруг таких сооружений могут быть установлены зоны безопасности, где могут приниматься меры, необходимые для их охраны.

1. Совершенно ясно, что существование сооружений, необходимых для разведки и разработки недр, может, до известной степени, служить помехой судоходству и рыболовству в открытом море. Возможность помехи судоходству и рыболовству в открытом море могла бы быть совершенно исключена, только если разработка недр производилась бы при помощи сооружений, расположенных на берегу или в пределах территориальных вод. Однако, в большинстве случаев такая разработка невозможна. Интересы судоходства и рыболовства следует признавать более важными и, поэтому, не может быть разрешена разработка недр, которая создавала бы для них серьезную помеху. Например, в узких проливах, имеющих большое значение для судоходства, следует больше считаться с нуждами судоходства, чем с нуждами разработки недр.

2. Заинтересованные стороны, т. е. не только государства, но и заинтересованные в судоходстве и рыболовстве группы, должны соответствующим образом оповещаться о возведении различных сооружений, чтобы таковые могли отмечаться на картах. Когда это возможно, оповещения должны даваться заблаговременно. Во всяком случае, каждое такое сооружение должно снабжаться предупредительными знаками (огнями, звуковыми сигналами, радаром, буйами и т. д.).

3. Обязанность оповещения и предупреждения, предусматриваемая в последней фразе пункта 1 этой статьи, относится не только к сооружениям, возводимым на обычных морских путях. Это есть общая обязанность, которая лежит на государствах независимо от местонахождения таких сооружений.

4. Хотя никакое сооружение не может рассматриваться как остров или возвышенная часть морского дна, которые омывались бы собственными территориальными водами, прибрежное государство может устанавливать вокруг них узкие зоны безопасности. Комиссия находит, что радиус в 500 метров, как общее правило, достаточен, хотя она и не сочла нужным указывать какую-либо определенную цифру.

Статья 7

Два или несколько государств, к территориям которых прилежит один и тот же подводный материковый выступ, должны установить границы в районе этого подводного материкового выступа соглашением. При отсутствии соглашения на сторонах лежит обязательство установления таких границ арбитражем.

1. Если один и тот же подводный материковый выступ прилежит к территориям двух или нескольких смежных государств, может оказаться необходимым установление границ в районе этого подводного материкового выступа. Такие границы должны быть установлены соглашением между заинтересованными государствами. Никакого общего правила, которое государства должны были бы соблюдать, установить нельзя, и возможно, что будут возникать затруднения. Например, между территориальными водами заинтересованных государств, по принадлежности, может не быть установлено никаких границ, и относительно таких границ не существует никакого общего правила. Поэтому желательно, чтобы, если не может быть достигнуто соглашение и необходимо быстрое решение, на заинтересованных государствах лежало бы обязательство обра-

таться к арбитражу «на основе справедливости» (ex aequo et bono). Термин «арбитраж» употребляется здесь в наиболее широком смысле и обнимает возможное обращение к Международному Суду.

2. Если территории двух государств разделяются морским заливом, граница между подводными материковыми выступами этих государств, по общему правилу, будет совпадать с некоторой средней линией между двумя берегами. Однако, в таких случаях очертание берега может затруднить проведение какой-либо средней линии, и такие затруднения должны передаваться на арбитраж.

Часть II. Смежные вопросы

МОРСКИЕ БОГАТСТВА

Статья 1

Государства, граждане которых занимаются рыболовством в каком-либо районе открытого моря, могут регулировать и контролировать рыболовный промысел в этом районе с целью предохранения его богатств от истощения. Если в каком-либо районе занимаются рыболовством граждане нескольких государств, такие меры должны приниматься этими государствами совместно; если в данном районе занимаются рыболовством только граждане одного государства, такие меры может принимать в этом районе это государство. Если какая-либо часть района находится в пределах 100 миль от территориальных вод прибрежного государства, это государство вправе принимать участие, на равных основаниях, в любой системе регулирования, хотя бы его граждане и не занимались рыболовством в этом районе. Ни при каких обстоятельствах, однако, никакой район не может быть закрыт для граждан других государств, желающих заниматься рыболовным промыслом.

Статья 2

К ведению какого-либо постоянного международного учреждения должно быть отнесено производство непрерывных обследований рыболовных промыслов во всем мире и методов, применяемых при эксплуатации таковых. Этому учреждению должно быть также предоставлено право издавать правила об охранительных мерах, которые должны приниматься государствами, граждане которых занимаются рыболовством в любом определенном районе, где заинтересованные государства не могут прийти к соглашению между собой.

1. Вопрос о сохранении морских богатств связан с темп притязаниями на подводные материковые выступы, которые заявлялись в последние годы некоторыми государствами, но эти два вопроса очевидно совершенно различны и, поэтому, трактуются раздельно.

2. Предохранение морской фауны от истребления необходимо в интересах сохранения мировых источников продовольствия. На государствах, граждане которых занимаются рыболовством в каких-либо определенных районах, лежит, таким образом, особая ответственность, и они должны устанавливать посредством взаимных соглашений правила, которые подлежали бы применению в этих районах. Если в каком-либо районе занимаются рыболовством только граждане одного государства, такая ответственность лежит на этом государстве. Однако осуществление права предписывать предохранительные меры не должно исключать новых пришельцев от участия в рыболовстве в каком-либо районе. Если рыболовный район лежит на таком близком расстоянии от берега, что правила или отсутствие правил могут отражаться на рыболовстве в территориальных водах прибрежного государства, этому государству должно быть предоставлено право участвовать в составлении подлежащих применению правил для данного района, хотя бы его граждане не занимались в этом районе рыболовством.

3. Такая система бесплодна, если заинтересованные государства не могут прийти к соглашению. Лучшим способом преодоления возникающего таким образом затруднения было бы создание постоянного учреждения, которое, в случае несогласия, вправе было бы издавать правила, которые государства должны были бы соблюдать в отношении рыболовных промыслов своих граждан в соответствующих водах. Этот вопрос относится, очевидно, к общему кругу ведения Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций.

4. Особые проблемы возникают в связи с загрязнением вод открытого моря. Эти проблемы относятся не только к охране морских богатств, но и к ограждению других интересов. Комиссия приняла во внимание, что инициативу в этом вопросе приняла на себя Экономический и Социальный Совет (резолюция 298 С (XI) от 12 июля 1950 г.).

5. Комиссия обсудила предложение, согласно которому, до создания учреждения, упоминаемого в пункте 3, прибрежным государствам следовало бы предоставить право издавать правила о предохранительных мерах в зонах, прилежащих к их территориальным водам. Такие правила составлялись бы, по возможности, по соглашению с другими государствами, заинтересованными в соответствующих рыболовных районах. В этих правилах не проводилось бы никакого различия между гражданами различных государств, в том числе заинтересованного прибрежного государства. Любые споры, возникающие в связи с применением этих правил, должны были бы передаваться на арбитраж. Было предложено определить ширину соответствующих зон в 200 морских миль. Ввиду того что по этому предложению голоса разделились поровну, Комиссия решила упомянуть о нем в своем докладе, но не рекомендовать его.

СТАЦИОНАРНЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Статья 3

Регулирование стационарных рыболовных промыслов может осуществляться государством в тех районах открытого моря, прилежащих к его территориальным водам, где такие рыболовные промыслы издавна имели и вели граждане этого государства, при условии, что негражданам разрешается участвовать в занятии рыболовством на равных основаниях с гражданами. Такое регулирование не должно, однако, затрагивать общий статус этих районов как открытого моря.

1. Комиссия находит, что стационарные рыболовные промыслы должны регулироваться независимо от проблемы подводных материковых выступов. Предложения, которые относятся к подводным материковым выступам, касаются разработки минеральных богатств недр морского дна, тогда как предложения, которые относятся к стационарным рыболовным промыслам, касаются таких рыболовных промыслов, которые признаются стационарными или по признаку ловли определенных пород или по признаку используемого оборудования — например, укрепляемых на морском дне ставных сетей. Это различие служит основанием к разделению двух данных проблем.

2. В связи со стационарными рыболовными промыслами могут возникать правовые затруднения только если эти промыслы находятся за внешними границами территориальных вод.

3. Некоторые прибрежные государства считают, что отдели, на которых находятся стационарные рыболовные промыслы и которые расположены в районах, только примыкающих к территориальным водам, но лежащих мористее, находятся в их владении и составляют часть их территорий. В связи с этим, однако, редко возникали какие-либо осложнения. Комиссия избегает называть такие районы «находящимися во владении» или «принадлежащими». Она находит, однако, что особое положение таких районов дает основание для признания особых прав за прибрежными государствами, граждане которых занимаются там рыболовством в течение продолжительного времени.

4. Особые права, которые прибрежное государство может осуществлять в таких районах, должны быть строго ограничены и сводиться только к таким правам, которые имеют существенное значение для достижения целей, во имя которых особые права признаются. Исключая регулирование стационарных рыболовных промыслов, во всех других отношениях,

воды, покрывающие морское дно, где находятся рыболовные промыслы, остаются подчиненными режиму открытого моря. Существующая норма обычного права, согласно которой граждане других государств могут заниматься такими рыболовными промыслами на равных основаниях с гражданами прибрежного государства, должна применяться попрежнему.

ПРИЛЕЖАЩИЕ ЗОНЫ

Статья 4

В открытом море, примыкающем к его территориальным водам, прибрежное государство может осуществлять контроль, необходимый для предупреждения нарушений в пределах своей территории или территориальных вод своих таможенных, фискальных или санитарных правил. Такой контроль не может осуществляться более чем за двенадцать миль от берега.

1. Международное право не запрещает государству осуществлять, для определенных целей, известную меру охранительной или предупредительной юрисдикции над полосой открытого моря, прилежащей к его территориальным водам, не перенося границы этих вод дальше в море.

2. Многими государствами принят принцип, согласно которому прибрежное государство осуществляет контроль над зоной открытого моря, прилежащей к его территориальным водам, в таможенных и фискальных целях, для предупреждения нарушений соответствующих законов в пределах своей территории или территориальных вод. По мнению Комиссии, нельзя оспаривать право государств на установление таких зон. Могут, однако, возникнуть сомнения по поводу ширины таких зон. Чтобы обеспечить, по возможности, необходимое единообразие, Комиссия высказывается за определение ширины таких зон

12 морскими милями, считая от берега, как было предложено Подготовительным комитетом Гаагской кодификационной конференции (1930 г.). Это расстояние может, однако, оказаться недостаточным в связи с развитием техники, в результате которого увеличивается быстроходность судов. Кроме того, пока не будет достигнуто единогласия о ширине территориальных вод, эти зоны всегда придется измерять, считая от берега, а не от внешней границы территориальных вод. Государства, которые заявляют притязания на широкую полосу территориальных вод, фактически нуждаются в прилежащей зоне меньше, чем те, которые удовлетворяются более скромными пределами территориальных вод.

3. Хотя число государств, заявляющих притязания на прилежащие зоны в целях установления там своих санитарных правил, довольно незначительно, Комиссия полагает, что, принимая во внимание ту связь, которая существует между таможенными и санитарными правилами, следует признавать прилежащую зону в 12 миль также и в интересах санитарного контроля.

4. Предлагая признание прилежащих зон, Комиссия не имеет в виду ни целей безопасности, ни исключительных прав на рыбную ловлю. В 1930 году Подготовительный комитет Кодификационной конференции отметил, что в полученных от правительств ответах нельзя было усмотреть никаких указаний на возможность соглашения о распространении исключительных прав прибрежных государств на рыбную ловлю за пределы территориальных вод. Комиссия полагает, что в этом отношении никаких изменений не произошло.

5. Признание специальных прав прибрежного государства в зоне, прилежащей к его территориальным водам, в таможенных, фискальных и санитарных целях не затрагивает правового статуса воздушного пространства над этой зоной. Для контроля над движением по воздуху может оказаться необходимым установление воздушной зоны, в пределах которой прибрежное государство могло бы такой контроль осуществлять. Эта проблема не относится, однако, к режиму открытого моря.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard (Pty.), Ltd., 255a George Street, Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A., Calle Alsina 500, Buenos Aires.

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la Presse S.A., 14-22 rue du Persil, Bruxelles.
W. H. Smith & Son
71-75 Boulevard Adolphe-Max, Bruxelles.

БОЛИВИЯ

Libreria Científica y Literaria, Avenida 16 de Julio 216, Casilla 972, La Paz.

БРАЗИЛИЯ

Livraria Agir, Rua Mexico 98-B, Caixa Postal 3291, Rio de Janeiro.

ВЕНЕСУЭЛА

Escritorio Pérez Machado, Conde a Pifango 11, Caracas.

ГАИТИ

Max Bouchereau, Librairie "A la Caravelle," Boite postale 111-B, Port-au-Prince.

ГВАТЕМАЛА

Goubaud & Cia. Ltda., 5a. Sur No. 6 y 9a. C.P., Guatemala.

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis," Librairie Internationale, Place de la Constitution, Athènes.

ДАНИЯ

Einar Munksgaard, Nørregade 6, København.

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Libreria Dominicana, Calle Mercedes No. 49, Apartado 656, Ciudad Trujillo.

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance d'Egypte," 9 SM, Adly Pasha, Cairo.

ИЗРАИЛЬ

Leo Blumstein, P.O.B. 4154
35 Allenby Road, Tel-Aviv.

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co., Scindia House, New Delhi.

ИНДОНЕЗИЯ

Jajasan Pembangunan, Gunung Sahari 84, Djakarta.

ИРАК

Mackenzie's Bookshop, Booksellers and Stationers, Baghdad.

ИРЛАНДИЯ

Hibernian General Agency Ltd., Commercial Buildings, Dame Street, Dublin.

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar Eymundssonas Austurstrell 18, Reykjavik.

ИТАЛИЯ

Calibri S.A., Via Chiossetto 14, Milano.

КАНАДА

The Ryerson Press, 299 Queen Street West, Toronto.

КИТАЙ

The Commercial Press, Ltd., 211 Nanon Road, Shanghai.

КОЛУМБИЯ

Libreria Latina Ltda., Apartado Aéreo 4011, Bogotá.

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos, Apartado 1313, San José.

КУБА

La Casa Belga, René de Smedt, O'Reilly 455, La Habana.

ЛИВАН

Librairie universelle, Beyrouth.

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer, Place Guillaume, Luxembourg.

НИДЕРЛАНДЫ

N.V. Martinus Nijhoff, Lange Voorhout 9, 's-Gravenhage.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

United Nations Association of New Zealand, G.P.O. 1011, Wellington.

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tatham Forlag, Kr. Augustgt. 7A, Oslo.

ПАКИСТАН

Thomas & Thomas, Fort Mansion, Frere Road, Karachi.

ПЕРУ

Libreria Internacional del Perú, S.A., Casilla 1417, Lima.

ПОРТУГАЛИЯ

Livraria Rodrigues 186, Rua Aurea, 188 Lisboa.

СИРИЯ

Librairie Universelle, Damas.

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H.M. Stationery Office, P. O. Box 569, London, S.E. 1 (and at H.M.S.O. Shops at London, Belfast, Birmingham, Bristol, Cardiff, Edinburgh, and Manchester).

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service, Columbia University Press, 2960 Broadway, New York 27, New York.

ТАЙЛАНД

Pramuan Mit Ltd., 333 Charoen Krung Road, Bangkok.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette, 469 Istiklal Caddesi, Beyoglu, Istanbul.

УРУГУВАЙ

Oficina de Representación de Editoriales, Prof. Héctor D'Elia, Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1, Montevideo.

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co., 132 Riverside, San Juan, Rizal.

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa, 2, Keskuskatu, Helsinki.

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone, 13, rue Soufflot, Paris V.

ЦЕЙЛОН

The Associated Newspapers of Ceylon, Ltd., Lake House, Colombo.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic, Narodni Trida 9, Praha 1.

ЧИЛИ

Libreria Ivens, Calle Moneda 822, Santiago.

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S.A., Lausanne, Genève.
Buchhandlung Hans Raunhardt
Kirchgasse, 17, Zurich 1.

ШВЕЦИЯ

C. E. Fritze's Kungl. Heltbokhandel A-B Fredsgatan 2, Stockholm.

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cia., Plaza del Teatro, Quito.

ЭФИОПИЯ

Agence Ethioipienne de Publicité, Box 8, Addis-Abeba.

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavna Preduzece Jugoslovenska Knjiga, Marsala Tita 23-11, Beograd.

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Van Schaik's Bookstore (Pty.), Ltd. P.O. Box 724, Pretoria.

Издания Организации Объединенных Наций можно получить у следующих книгопродавцев:

АВСТРИЯ

B. Wüllerstorff
Waagplatz, 4
SALZBURG.

ГЕРМАНИЯ

Buchhandlung Elwert & Meurer
Hauptstrasse, 101
BERLIN — Schöneberg.

ГЕРМАНИЯ (продолжение)

W. E. Saarbach
Frankenstrasse, 14
KOELN — Junkersdorf.

Alexander Horn
Spiegelgasse, 9
WIESBADEN.

ИСПАНИЯ

Organización Técnica de
Publicidad y Ediciones
Sainz de Baranda 24 — MADRID.

Libreria Bosch
11 Ronda Universidad
BARCELONA.

ЯПОНИЯ

Maruzen Company, Ltd.,
6 Tori-Nichome Nihonbashi
TOKYO Central.

51 (R) 1

Заказы и запросы, в странах где агентства еще не были установлены, следует направлять по адресу: Sales and Circulation Section, United Nations, New York, N. Y., U.S.A.; или Sales Section, United Nations Office, Palais des Nations, Geneva, Switzerland.

Report of the International Law Commission, Suppl. 9

Price: 25 cents (U.S.) or equivalent in other currencies

Printed in U.S.A.

91716 November 1951 500